

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА АРМИИ НАПОЛЕОН фон ИЕЛИН.

Перев. съ нѣм. подъ ред. Ю. К. Л. Москва. 1912. Кн-ва
Т-ва И. Д. Сытина. 8° 84 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Введение.

Автор настоящего дневника, Христофор-Людвиг фон Иелин, родился 26 февраля 1787 года в Фюрфельде в Баденском округе Крейхгау. Он был сыном священника, желавшего сделать из него купца. Христофор, однако, нашел возможность и средства следовать своему призванию: сделаться солдатом. Он принимал участие в походах Рейнских союзных государств в качестве лейтенанта и обер-лейтенанта (Чин подпоручика и поручика в русской армии. — Прим. Ред.) Вюртембергского полка. Таким образом, попав в Вюртембергский полк, участвовавший в походе Наполеона против России в 1812 году, он является, в качестве простого офицера, очевидцем одного из самых страшных эпизодов всемирной истории, передавая просто и беспристрастно все им пережитое на поле битвы и в плену. После страшных бедствий и испытаний во время похода фон Иелин снова поступил на службу в Гогенасперг. Получив звание капитана, он был очевидцем последних событий во время войны за освобождение на французской территории.

По окончании походов Иелин был вынужден подать в отставку по болезни ног, развившейся у него во время холодов русской зимы. Душой и телом преданный военному делу, он получил гражданское место в звании управляющего при евангелической семинарии в Тюбингене. 27 августа 1848 г. получил он чин майора, в сентябре 1856 г. он отпраздновал свой 50-летний юбилей и умер 5 октября 1861 г.

Здесь мы приводим части его дневника со времени отступления великой армии из пылающей Москвы до возвращения его на родину.

Глава I

Неблагоприятные известия, полученные императором (Наполеоном) из Петербурга, заставили его решиться дать приказ к отступлению после пятидневного бесполезного пребывания в Москве. Между тем приближалась грозная зима, верная союзница русских. По окончании смотра, вечером 18 октября 1812 г. всей армии был дан приказ об отступлении. Главная армия успела отдохнуть во время пятидневного пребывания в Москве и могла выставить 100.000 солдат, способных к бою, хотя она и значительно пострадала от постоянных потерь при военной фуражировке. Но эти солдаты уже не представляли собой прежнюю всесильную армию; она не подвигалась военным маршем, а тащилась вялым, медленным шагом.

Войска спешили покинуть город в ночь на 19 октября и рано утром; некоторые отряды двинулись вечером 18 октября. Ночь была не только темна, но и бесконечно длинна, продолжаясь от 4 часов пополудни до 8 часов утра. Наконец к 9 часам утра вюртембергские отряды выбрались из города по дороге в Калугу, куда

было решено отступить. Но какое странное зрелище представляла собою великая армия!

Солдаты, не вышедшие ещё из строя, шли обремененные всевозможной поклажей из Москвы. Каждый хотел что-нибудь захватить и доставить на родину, забыв, во время пребывания в городе, запастись необходимым.

Весь обоз походил скорее на толпу, нагрянувшую в беспорядке из неведомой страны, наряженную в всевозможные одежды и теперь уже напоминавшую собою маскарад. Эта толпа шла впереди во время отступления, постоянно нарушая порядок, желая оградить награбленное имущество от расхищения солдат. Но так как среди узких улиц, загроможденных обломками разрушенных домов, обозы, повозки, кареты и коляски всевозможных видов постоянно наезжали друг на друга, то толпе было приказано обождать, пока не пройдут строевые войска. При этом происходила ужасная суматоха и беспорядок, впоследствии повторявшиеся при каждом переходе.

Сам Наполеон с величайшим трудом пробирался среди этого хаоса. Хотя невозможность тащить за собою эти громадные обозы была очевидна для всех, не было дано приказа их покинуть. Это не было сделано, быть может, ввиду того, чтобы не лишить побежденных последнего утешения, после невероятных испытаний. К тому же среди награбленной добычи находились съестные припасы первой необходимости, а повозки и кареты могли служить позднее для перевозки больных и раненых. При этом имели в виду и нападения казаков, которые без всяких распоряжений могли заставить покинуть награбленное имущество, что действительно и произошло позднее.

Среди этой толпы находились многие французы с семьями, изгнанные из Франции во время революции и обратившиеся к императору с просьбой о разрешении вернуться в отечество. Им не оставалось другого выхода. Внушив к себе этим шагом презрение со стороны русских, они были вынуждены следовать за армией; всем им приходилось особенно плохо; их было более жаль, нежели солдат. Им было бы, конечно, выгоднее идти впереди, но на это они не смели решиться, опасаясь погибнуть мученической смертью при нападении бродивших повсюду крестьян и казацких отрядов. Поэтому им приходилось, заранее обрекая себя на верную гибель, выждать, пока пройдут войска.

Таким образом мы 19 октября добрались до Соснецкого, 20-го и 21-го до Чашкова; 22-го до Руднева, 23-го до Букозова, 24-го до Митьева и 25-го до Боровска, по указанному пути в Калугу. Во время этих переходов шел холодный дождь, дороги сделались непроходимы, платье обледело. Обозы и пушки и прочее застревали до осей в топях, откуда их вытаскивали с величайшим трудом.

Войска подвигались вяло и с большими усилиями. Лица были мрачны и недовольны. Обремененные добычей, мы употребили, после продолжительной стоянки, семь дней, чтобы пройти расстояние, на которое требовалось не более 24 или 25 часов. Если бы мы подвигались скорее, русские остались бы позади, и мы могли бы завладеть этой дорогой; 6 часов позднее, оставив за собою Малоярославец, мы бы оказались в выигрыше.

26 октября, приближаясь к этому городу, мы слышали пушечную пальбу. Войско, шедшее впереди, подверглось нападению неприятеля. Завязался страшный бой, где погибло много народу; хотя победа осталась на нашей стороне, но обе стороны считали себя побежденными. Вследствие этого Наполеон, решив

покинуть этот путь, направился по старой дороге, сохранившей следы опустошения. Большая часть главной армии подошла к Малоярославцу, когда все было кончено. Я попал сюда и грелся в той самой несчастной избе, где нашел убежище Наполеон, и где он держал совет с своими генералами. Сегюр называет эту избу ткацкой избой только потому, что в ней находился ткацкий станок. Между тем в этой местности крестьяне имеют ткацкие станки в каждой избе, так как женщины ткут полотна, шириною в $3/4$ аршина, для чего требуется небольшой ткацкий станок.

Дороги становились все хуже. Падение лошадей вызвало необходимость отдать приказ сжечь повозки, оставшиеся позади, потопить в реках пушки, которых нельзя было тащить далее, взорвать пороховые обозы; все это было поручено исполнить отряду, оставшемуся в арьергарде. Теперь начались еще худшие бедствия.

26 октября мы двинулись по направлению к Верее, 27-го — к Можайску, 28-го мы шли по Бородинскому полю, 29-го прошли еще пять часов и, наконец, 30-го достигли Гжатска.

В Можайске, куда мы прибыли во второй раз, все было переполнено ранеными; все старались захватить с собою этих несчастных, но не хватало самого необходимого, и пришлось многих покинуть на произвол врагов, которых нельзя было особенно похвалить, так как они бессердечно нападали на безоружных. Несчастные, предвидя это, умоляли их не покидать; поэтому на каждую повозку укладывали больных, но этот навязанный груз недовольные возчики нередко сбрасывали с повозки, и несчастные погибали на дороге. Мы расположились на биваке в нескольких верстах от города. Дождь превратился в снег; резкий леденящий северный ветер возвестил нам приближение зимы.

Дорогу из Москвы до этой стоянки мы могли бы совершить в три дня, но, подвигаясь окольными путями, мы потратили на это дней десять. Мы бы много выиграли, сразу заняв эту дорогу, или если бы Наполеон согласился упорно продолжать осаду Малоярославца. Теперь было поздно. Мы со всех сторон были окружены врагами, решившими затруднить нам путь среди этой пустыни, предоставив лишениям и морозу нас истребить окончательно.

28 октября 1812 г. за несколько верст от Можайска мы перешли маленькую речку Калугу, через которую был перекинут скверный мост на сваях. Здесь произошла страшная давка. Войска переходили в беспорядке, обозы так нагромодились, задерживая переход, что все смешалось в одну кучу. Наконец, выйдя на высоту, мы могли различить несколько холмов, покрытых снегом. То были окопы при Бородине; мы дошли до поля битвы, где трупы бесполезно убитых людей и животных валялись не погребенными. Войска вышли за пределы Бородина, обозы должны были устроить бивак на страшном поле битвы, среди не погребенных мертвецов; при этом толпа лишилась всякой тени храбрости. Резкий северный ветер был невыносим. Несколько солдат, очистив яму от мертвых тел, развели там огонь, к которому и я посмел присесть, чтобы спастись от леденящего ветра. Говорю “я посмел присесть”, потому что в это время дисциплина исчезла и право было на стороне сильнейшего. Несколько отрядов еще не вышло из строя, но общей дисциплины не замечалось. Только в случае нападений отдельные отряды вновь соединялись.

После уничтожения и сожжения отставших обозов, фургонов, повозок,

пушек и пр. истощились, наконец, и съестные припасы; их хватило всего на 14 дней. Наступил страшный голод, возраставший с каждым днем, так как по опустошенным дорогам ничего не оставалось и не было никакой надежды что-либо отыскать. Многие надеялись поддержать свои силы небольшим количеством сахара, пользуясь им с крайней расчетливостью; но и это средство скоро истощилось и пришлось довольствоваться лошадиным мясом. Сперва начали убивать самых тощих лошадей, застреливая их на месте. Оставалось еще немного соли и приправ; но и это вскоре уничтожилось; стрелять лошадями уже перестали и прямо вырезывали куски мяса из живых лошадей. Несчастные животные, обливаясь кровью, дрожа всем телом, стояли как оглушенные и, наконец, падали обессиленные на землю. Французы прежде всего вырезывали лошадям языки, не добивая их окончательно. При этом отступлении нет ничего ужаснее воспоминаний тех зверств, которые люди совершали над людьми и животными.

Большая часть войска превратилась в мародеров, побросавших свое оружие и вооружение для того, чтобы заняться грабежом. При этом они нередко попадались в руки русских и погибали в жестоких мучениях.

Тысячи умирали по дороге от истощения и голода. Лошади питались древесной корой и гнилой соломой, так как все замерзло и было занесено снегом. Кавалерийских лошадей брали для того, чтобы везти дальше артиллерию. Нужда росла с каждым днем. Таким образом мы добрались до Итарки 31 октября и прибыли в Вязьму 1 ноября 1812 г.

Нас ожидали новые испытания: холода усиливались с каждым днем; припасы истощились, подкрепительных напитков не было; стоять на биваке без теплой одежды среди льда и снега было выше человеческих сил.

Бесконечные ночи были ужасны, сырое дерево не горело, но и его приходилось собирать с трудом. В ожидании огня многие замерзали даже на работе; в ней участвовали офицеры высшего разряда для того, чтобы иметь право греться у огня. Нередко случалось, что, когда огонь разгорался, подбегали сильнейшие и отгоняли слабых; дело часто кончалось драками и убийствами.

Те, которые изнемогали на дороге, оставались на месте и погибали, раздавленные обозами. Никто не заботился о том, чтобы отнести или положить в сторону этих несчастных. С них стаскивали последние лохмотья ранее, чем они умирали. Солдаты сбрасывали с себя оружие, всякая дисциплина исчезла, воцарилась анархия; каждый думал только о себе, стараясь пробиться во что бы то ни стало.

Солдаты, покидая ряды своих полков, двигались впереди беспорядочной толпой. Казаки, следовавшие за армией, ежечасно нападали на безоружных и грабили их. Сопротивляться было невозможно, так как вооруженные отряды шли позади или впереди армии.

По дороге стояла гололедица; изнуренные лошади с плохими подковами едва тащились без поклажи, малейшие холмы представляли непреодолимые препятствия. Пушки, обозы с амуницией или припасами и пр., масса различных повозок и карет, захваченных из Москвы, оставались на месте; об их сожжении никто не думал, и они попадали в руки русских.

У семей французских эмигрантов, следовавших за армией с разрешения Наполеона, обещавшего им свое покровительство во Франции и бежавших из Москвы от страха перед русскими, по дороге отнимали лошадей и поклажу; им

приходилось идти пешком за толпой, насколько у них хватало сил. Однажды вечером, пока я сидел у костра на биваке, ко мне подошли шестеро таких несчастных с просьбой позволить им погреться у огня. Я охотно согласился, и мое сердце обливалось кровью при виде этих страдальцев. Среди них был старик, дедушка, с седыми волосами, сын, его жена с взрослой дочерью и двое маленьких детей. У них ничего не осталось, кроме того, что было на них: ни крепкой обуви, ни теплой одежды, так как у них отняли лошадей и все имущество. Их жалобы и слезы заставили меня забыть на минуту мое собственное положение; я бы охотно с ними поделился последним, но и у меня ничего не было; у меня украли недавно последний запас кофе и сахара.

Хотя я еще числился в Вюртембергском отряде, но мы никаких припасов достать не могли, кроме лошадиного мяса. Собаки, следовавшие за армией, были все съедены, в том числе, должно быть, и моя. Однажды вечером, блуждая по окрестностям в поисках за пищей, я увидел прекрасного белого пуделя. Мы с приятелем тотчас за ним погнались и живо с ним справились. Его мясо мы разделили поровну, и его нам хватило надолго. Когда оно было съедено, мы снова принялись за лошадиное мясо; оно имело отвратительный вкус, так как его нельзя было готовить как следует.

Приготавливалось лошадиное жаркое очень просто. Кусок мяса павшей лошади накалывали на длинную палку, саблю или на штык и его держали над огнем, без соли, без приправ, без сала, — всего этого не существовало. От огня мясо больной лошади делалось отвратительно; из него капала желтая жидкость; когда оно обугливалось, его проглатывали с жадностью. Даже отвращение исчезло; мы готовы были есть пищу, годную для свиней; каждый соглашался питаться чем бы то ни было.

После нескольких переходов, в то время как ужасы возрастали ежедневно, и толпа стала походить на маскарад, мы дошли, наконец, до Болдина 5 ноября, 6-го до Дорогобужа, 7-го до Михалевска, 8-го до Пенева, и после двух переходов 11 ноября 1812 года снова достигли Смоленска. Сюда устремились все, надеясь не только достать припасов, но и догнать часть войска, которое могло нас охранять. Но мы нашли совершенно противоположное. Вюртембергский отряд, с величайшим трудом дотащивший несколько орудий до Смоленска, за неимением лошадей, оставил здесь всю артиллерию, исключая двух пушек.

В Смоленске мы нашли два запасных магазина. Нам роздали немного водки, хлеба и муки. Но голод был так велик, что никто и не подумал приготовить из нее какое-нибудь кушанье; люди ели муку горстями в сыром виде. Страшно было смотреть, как они глотали муку пригоршнями, замазывая себе лицо и нестриженную бороду. И здесь при скоплении беглецов нарушался порядок; голодные солдаты пробирались повсюду в надежде поживиться; они силой отнимали припасы и дрались между собою из-за добычи. Даже высшие офицеры были бы не в силах восстановить порядок среди озверевшей толпы, хотя бы беспощадно казнили мятежников; сам Наполеон получил бы ответ от солдат: “Надо же что-нибудь жрать!” Здесь ожидали раздачи амуниции; но желающих получить военные снаряды оказалось очень мало, большинство оставалось без вооружения, остальные готовы были его побросать.

Город был наполнен больными и ранеными. Ими были переполнены не только казенные строения, но и все дома, уцелевшие от пожара. Повозок нельзя

было достать; вследствие этого несчастные жертвы войны подвергались неизбежной ужасной участи своих товарищей, покинутых в других городах: в Москве, в Вязьме и пр. Однако судьба последних была менее ужасна, чем участь их товарищей, которых сбрасывали с повозок по дороге, оставляя их умирать в снегу. Ни один из них не добрался до Смоленска. Первые могли еще надеяться на великодушие своих врагов, но о последних никто не думал, предоставив их своей судьбе.

Вокруг Смоленска и в самом городе собрались все. Так как дома, уцелевшие от пожара, были все переполнены больными, то на месте пожарища, по берегам Днепра и в погоревших предместьях разводились костры; вокруг них расположились остатки великой армии, утопая в глубоком снегу, который шел беспрерывно. Я также находился среди этого войска, так как Вюртембергский отряд расположился здесь на биваке. Холод и нужда возрастали с каждым днем, дороги были непроходимы, и гололедица, заметенная снегом, делала их опасными.

Здесь мне выдали немного муки, рису и две бутылки водки, которые я отдал на сохранение одному солдату, моему денщику. Этот денщик, посланный с поручением, исчез бесследно, случайно или преднамеренно, одному Богу известно. Таким образом я потерял последнее среди печальных условий настоящего, без всякой надежды на будущее. Впрочем, я равнодушно относился к своему положению: закаленный испытаниями, я был занят настоящим, не заботясь о будущем, о том, что будем есть, как одеваться и т. д.

Единственная пара сапог, взятая мною из Штутгарта, сильно износилась; одного каблука не хватало. Среди солдат, хотя и были сапожники, но никто работать не хотел, не имея нужного материала. Я должен был довольствоваться продранными сапогами, пока они еще держались на ногах. Одет я был также очень плохо; на мне ничего не было кроме мундира и старого продырявленного воротника от никуда негодного, изношенного плаща. Брюки, местами прожженные у костров, висели в лохмотьях. Лицо и руки почернели от грязи и копоти. О мытье нечего было и думать; оно было слишком затруднительно. Чтобы добыть воду, приходилось каждый раз оттаивать снег, но где же взять полотенце или тряпок для вытирания. Одним словом, каждый в отдельности и все вообще имели ужасающий вид.

Армия пробыла в Смоленске три дня, среди страшной сутолоки, предаваясь **всевозможным порокам.**

На второй день после своего прибытия я был командирован с отрядом в 40 человек сопровождать экипаж маршала Нея и генерала Маршана и должен был выступить немедленно по дороге в Красный. Я и мои солдаты считали это за счастье, зная, что при транспорте имеются съестные припасы. В первый день переход совершился благополучно. К вечеру мы остановились на ночь у разоренного постоялого двора, недалеко от дороги. Здесь, приказав везти повозки во двор и поместить лошадей в конюшню, я расставил караул и остался на биваке перед костром с моими людьми, попросив эконома маршала раздать припасы солдатам, чего он, однако, не исполнил. Солдаты принимались сами добывать провианта, как я ни старался препятствовать им в этом, советуя им подождать до следующего дня. Вследствие этого большая часть моего отряда разбежалась на другой день. Я укорял в этом эконома, но он не соглашался выдавать провиант. Солдаты настояли на своем; они отняли часть припасов, чему я не мог

воспротивиться, сколько ни ругался эконо́м.

Наконец мы отправились дальше. Добравшись до небольшой речки с перекинутым через нее мостиком, мы нашли около него большое замешательство, так как все стали ломиться вперед. В то время, как я пытался восстановить порядок, на нас налетел отряд казаков, которых мне удалось разогнать, после чего мы снова приступили к переправе. Усиленный отряд казаков повторил нападение; я пытался защищаться, но мы оказались слабее. Солдаты меня покинули, и я с трудом отмахивался от 6 или 7 казаков шпагой, при этом мне сшибли каску с головы. Я спасся, соскользнув с небольшого пригорка, по которому казаки за мной гнаться не могли. Добравшись до того места, где стояли повозки, сплотившиеся при криках: “Казаки! Казаки!” в одну кучу, я пробрался между ними и перешел через узкий переход.

Когда казаки приблизились и слезли с своих коней, никто не думал им сопротивляться, и все они вместе с нашими солдатами дружно принялись грабить кареты, повозки, телеги и пр., как будто они были из одного лагеря.

В то время, как я пробирался по узкой дороге мимо одной повозки, французские гренадёры взломали французскую кассу, из которой я также выхватил несколько свёртков, где оказались слитки золота. Я имел неосторожность набить ими свои карманы, вследствие чего я большую часть их растерял по дороге, а остальное у меня отняли в Вильне.

Теперь мой отряд рассеялся, и я остался совершенно один среди массы изнуренных людей, бредущих по дороге. Когда я, наконец, после страшных мытарств, добрался 16 ноября до Красного, куда также добрались остатки Вюртембергского отряда днем ранее, последний был окончательно распущен. Здесь накануне моего прихода роздали офицерам и солдатам хлеб и обувь. Но мне, к несчастью, опять ничего не досталось. Мне не было так тяжело лишиться хлеба, как обуви, так как сапоги нельзя было достать ценою золота. Между тем каблуки я потерял и остался на одних подошвах.

За несколько переходов до Смоленска, внешний вид окружающей природы совершенно изменился. Раньше мы по временам видели над собой проблески голубого неба, хотя иногда чередовавшегося с дождливой погодой, и всегда ясно могли рассмотреть очертания предметов и дороги; теперь же небо окончательно заволокло, и снег падал густыми хлопьями при сильном ветре, заносившем все дороги. У нас исчезло всякое желание защищаться. Холод усиливался, пальцы примерзали к оружию, и раз оно выпадало из рук, поднять его не было никакой возможности.

Солдаты падали, исчезая в сугробах; сильнейшим удавалось подняться, более слабые умирали, утопая в снегу. Режущий ветер захватывал дыхание, вихри снега засыпали лицо и ослепляли зрение, пар от дыхания превращался в лед на длинных бородах. Все тащились с комьями снега на ногах в полном изнеможении, многие падали обессиленные, и были погребены под снегом. Огонь можно было разводить лишь с величайшим трудом; среди высоких снежных сугробов сырой хворост не разгорался или постоянно потухал.

По дороге можно было видеть солдат, замерзших вокруг потухшего огня. Каждый бивак напоминал собою поле битвы, и эта картина, повторяясь каждую ночь, наводила ужас. Казалось, как будто сама природа вооружилась против нас и готовилась нас окончательно уничтожить.

Во время страшной борьбы против стужи и голода всякая сплоченность исчезала; большинство беззащитных и безоружных беглецов, оставшись без вождя, следовали только животному инстинкту самосохранения, не останавливаясь ни перед чем, даже убийством или грабежом. Никто, имея припасы, не мог быть уверен, что сильнейший их не отнимет; с людей слабых сдирали одежду, и они гибли от холода; между тем награбленное приносило мало пользы и самим грабителям. Стоило только несчастному, выбившемуся из сил упасть, как на него набрасывались другие и срывали с него одежду, не дожидаясь его смерти. При этом происходили раздирающие душу сцены. Озверевшие люди срывали рубашки с умирающих, которые при этом поднимали страшный крик и вой. Толпа, цепенея от холода, без сострадания, равнодушно проходила мимо умирающих; некоторые даже издевались над этими несчастными.

В окрестностях Красного на нас напали русские. Наполеон с остатками гвардии и вооруженным отрядом оттеснил врагов и очистил перед нами дорогу, куда все бежали в беспорядке. Таким образом мы 17 ноября 1812 г. добрались до Ляды, 18-го до Дубровны и 19-го до Орши.

В Орше нам возвестили с музыкой и барабанным боем, по какой дороге должны следовать военные отряды. Одним было приказано идти на Витебск, другим — на Вильну; но все пошли по одной дороге к Вильне.

Здесь моя обувь окончательно развалилась, подошвы оторвались. Я постарался обернуть ноги тряпками. Наконец я узнал, что в запасном складе раздают обувь. Я поспешил туда, но когда я туда прибыл, все уже было роздано; я снова опоздал.

К счастью, погода стала теплее. Таким образом я пошел далее, обессиленный, не имея другой пищи, кроме лошадиного мяса, без обуви, в продранной одежде, не защищенный от холода, предоставленный самому себе. Между прочим, надо заметить, что в таком безвыходном положении мне никогда не являлась мысль, что я, наконец, должен погибнуть. При таком полном упадке физической и нравственной силы я ежедневно начал отставать во время переходов. Нередко дойдя до бивака, где я мог отдохнуть, мне стало казаться среди ночи, что за мной гонится арьергард с генералом Неем во главе, заставляя меня бежать вперед. В то время я это считал несчастьем для себя; теперь я вижу, что это послужило мне в пользу. Если бы я оставался на месте до утра, я бы, вероятно, замерз, как многие другие. Иногда встречались товарищи. Сговаривались не разлучаться, но среди толпы, беспорядочно сновавшей по дороге, мы снова расходились и более не встречались. Впрочем, необходимо было держаться вместе, так как в одиночку приходилось опасаться нападений беспощадных грабителей, готовых поживиться каждой тряпкой, оставшейся на теле другого. Держаться компанией было не только безопаснее, но легче доставались съестные припасы, так как товарищи делились тем, что удавалось захватить, между собою. Однажды вечером, расхаживая по биваку, я заметил французских солдат, улегшихся вокруг огня, на котором кипел котелок. Убедившись, что солдат, наблюдавший за варкой, задремал, я быстро схватил котелок и унес его к товарищам, которые обрадовались при моем появлении. В котелке оказалась почти готовая гороховая похлебка, которой мы поспешили угоститься. В другой раз я таким же образом добыл горшок горячего кофе, который приготавливали на императорском биваке, может быть для самого императора или для одного из его генералов. Это тоже нам доставило

хорошее подкрепление.

Упомянув здесь об императорском биваке, я полагаю небезынтересным о нем поговорить. Вероятно, зная заранее, где император будет отдыхать, вперед посылались несколько гвардейцев и саперов, чтобы выбрать место для лагеря, большею частью - как я заметил — среди леса, недалеко от дороги. На этом месте расчищали снег, срубали деревья, отмеряли квадрат приблизительно в десять футов ширины и 20 длины, делали углубление в 2 фута глубины, отбрасывая в сторону землю. В этом углублении разводили огонь, набрасывая туда целые стволы деревьев, пока все пространство не образовало пылающий костер. Кругом устраивали ограду из кольев. До прибытия императора земля вокруг ямы высыхала на расстоянии 10 футов, распространяя кругом приятную теплоту, так что он сам и его генералы стояли или рассаживались кругом без верхней одежды. Нередко я желал найти возможность погреться, но гвардейцы расставляли часовых вокруг квадрата, не допуская никого, а тем менее немца.

21 ноября мы оставили Оршу, направляясь в Коханово, и прибыли 22-го в Полочин; 23-го дошли до Бобра; 24-го до Крюкова; 25-го до Борисова; 26-го мимо Борисова до Студянки в 4 верстах от Березины.

При этих переходах бедствия стали еще ужаснее. Все части окончательно перепутались. Вследствие дождей и наступившей оттепели дороги были непроходимы. Возникли страшные беспорядки. При величайших усилиях со стороны офицеров удалось составить из остатка великой армии отряд в 5 или 6 тыс. человек. Борисов уже был в руках русских, занявшими этот город до нашего прихода. При нашем появлении их оттеснили на правый берег Березины. При этом они разрушили мост, который в виду неприятеля невозможно было восстановить. Поэтому пришлось искать другого места для переправы. В то время, когда для обмана неприятеля старались устроить переход через Укольду и делали приготовления для постройки нового моста, неприятель сосредоточился на этом пункте.

25 ноября 1812 г. французскому генералу Эблэ удалось построить мост через Студянку в 4 верстах выше Борисова. Вода сильно поднялась, громадные глыбы льда неслись по ее поверхности, однако французским понтоньерам, работавшим по грудь в воде, удалось вбить деревянные сваи и в один день устроить мост для пешеходов.

В то время, как занялись устройством второго более устойчивого моста для обозов, часть вооруженных отрядов успела переправиться через первый мост, чтобы занять местность, оставленную русскими накануне. На второй день закончили и второй мост, и артиллерии удалось перебраться на другой берег. В это время русские напали по правому и левому берегу на вооруженные отряды, состоявшие из 5 или 6 тыс. человек. Последние храбро держались до 9 часов утра 29 ноября, затем стали отступать, при чем подожгли мост и прекратили переправу.

Тут бедствие достигло высшего предела. На противоположном берегу, занятом врагами, осталось множество повозок, пушек и т. п., до 7.000 человек несчастных мужчин, женщин и детей; все теснились к мостам, по которым днем ранее легко было переправиться, но они этого не сделали. Неприятель начал стрелять в беззащитную толпу, и все пришли в смятение. Многие от страха и отчаяния бросались в реку, надеясь переплыть, держась за лошадей. Между тем льдины, плывшие по реке, их затирали; несчастные погибали в волнах. Другие

старались спастись, хватаясь за подставки пылающего моста (первый мост подломился под тяжестью толпы), тогда как остальные, падая в воду среди всеобщего смятения и натиска толпы, отталкивали друг друга. Одним словом, это было самое ужасающее зрелище, какое можно себе представить, — зрелище, еще небывалое в истории.

Я был также в числе беззаботно оставшихся слишком долго на левом берегу Березины, где меня могла бы постигнуть та же участь; но случайно брошенная в мост граната из лагеря врагов спасла мне жизнь. Эта граната прочистила дорогу среди толпы, приникшей к земле, и дала мне возможность перешагнуть через лежащих и благополучно добраться до моста, по которому мне удалось спастись. Прибыв на правый берег, я мог видеть пылающий мост и был очевидцем страшного смятения и отчаяния, охватившего толпу, оставшуюся на левом берегу, тогда как гранаты летали и разрывались кругом меня направо и налево. Я доварил у брошенного костра кусок полусырого мяса, купленного мною вместе с скверным хлебом у какого-то солдата, и, поев, поспешил в лес, видневшийся на пригорке, через который пролегалла дорога.

Я не стану говорить о страшной суматохе, происходившей в течение четырех дней, о беспорядках и ужасах, которые вообще не поддаются описанию, и буду продолжать рассказ о моей дальнейшей судьбе во время дороги.

Добравшись до густого соснового леса, я уже издали увидел громадный костер, разложенный среди дороги. (Давка на дороге прекратилась. Переход закончился сожжением моста, и отставшая толпа поспешила вперед без остановки). У этого костра застал я несколько товарищей. Обогрившись у огня, мы пошли дальше, не расставаясь. Переход совершался медленно. Снежные заносы от беспрерывно падавшего снега и скопление беглецов, которых мы опять догнали, чрезвычайно затрудняли передвижение. При наступлении темноты, в 3 часа дня, мы решили устроить стоянку в лесу, чтоб отдохнуть, и, найдя подходящее место возле целого вороха еловых ветвей, тотчас развели пылающий костер из попавшегося нам хвороста. У меня оставалось немного хлеба, у остальных были кое-какие припасы. Немного подкрепившись, мы поднялись в два часа утра и продолжали путь. К утру мы добрались до какого-то поместья, где застали множество знакомых офицеров. Майор Штарклоф предложил мне глоток водки, я передал ему незаметно кусок хлеба. Оба мы таким образом немного подкрепились и видя, что у каждого из нас есть маленький запас, сговорились не расставаться по дороге, что было почти невозможно, ввиду тесноты. 30 ноября под утро все поднялись, но среди давки мы снова разошлись. Однако мой друг (капитан фон Буч), которому я, собственно, и обязан своим спасением, не оставлял меня до Вильны.

Морозы усилились, а с ними возросли и наши бедствия. Последние отряды, сохранявшие военную дисциплину, побросали оружие и разбежались; вся возможность сопротивления исчезла. При первых возгласах: “Казачи!” все обращались в бегство.

При этом случалось видеть, как полунагие люди спешили за беглецами, упали в снег и умирали на месте. По дороге лежали рядами нагие люди; многие еще были живы, они катались по замерзшей земле, издавая раздирающие вопли, до последнего вздоха. Как только кто-нибудь падал от холода и изнурения, на него нападали окружающие, раздевали его донага, не обращая внимания, жив он или

мертв, и наряжались в его лохмотья. Все эти ужасы возрастали с усилением холодов.

Толпа тащилась в немом оцепенении, с закутанными лицами, с поджатыми руками, одетая в лохмотья, с старыми шапками на головах и пр., с израненными, часто уже пораженными гангреной, ногами, завернутыми в тряпки, стараясь держаться ближе друг к другу. Все были оборваны, голодны и безоружны.

В соседних деревнях и жилищах мы старались найти убежище от ледящего ветра, дувшего беспрерывно; жилища сейчас же до того переполнялись, что никто не мог сдвинуться с места. В печах разводили сильный огонь, причинявший много несчастий. Люди, не попадавшие в избы, располагались вокруг стен, чтобы найти хотя немного защиты от резкого ветра; они разводили огни и окружали всё соломой, теперь снова попадавшей под руку.

Дрова и солому добывали, снимая крышу с домов, не щадя и тех домов, где нашли себе убежище другие. При этом раздавались ругательства и проклятия. Люди нападали друг на друга, дрались отчаянно, тогда как остальные разоряли дом окончательно. Вытесняя таким образом друг друга, они поджигали жилища, чтоб выгнать остальных. Пламя распространялось с быстротой молнии в деревянных постройках, большинство погибало среди огня, немногим удавалось спастись. Когда загорался дом, все бежали туда отогреться, но многие, не будучи в силах убежать от быстро распространявшегося огня, погибали жертвой пламени.

Люди блуждали как тени вокруг пожарища или тлеющих костров, обыскивали умерших, и нередко сами погибали на месте.

На рассвете вся толпа, без всякого сигнала, снималась с места, чтобы продолжать несчастный путь.

Пройдя мимо Плехицы, Зослава и Молодечна мы 5 декабря 1812 г., наконец, вышли близ Сморгони на большую дорогу, ведущую в Вильну.

Холод стоял необычайный. Изнуренные люди, с трудом дотащившиеся сюда, блуждали как тени, еле передвигая ноги, глубоко вздыхая и проливая слезы. Ноги у них подкашивались, они собирали последние силы, но шатаясь падали на землю, чтобы более не подняться: чувства окаменели. Остальные проходили мимо, не сожалея о погибших.

На большой дороге попадались пленные русские, которых никто не стерёг, и они могли идти куда угодно. Они направлялись в ближайшие деревни, добывали лошадей и появлялись в виде партизан. Зная, что сопротивление невозможно, все были объяты ужасом. Завидя издали крестьянина на лошади, все, принимая его за казака, обращались в бегство.

Ночью можно было наблюдать ужасающее зрелище: кругом — вблизи и вдали — горели целые селения. Зарево пожаров простиралось по всему горизонту, освещая окрестности как днем красным отблеском огня.

Изнурение толпы дошло до того, что несчастные не могли даже подбирать дерево для топлива. Они садились на своих умерших товарищей, вокруг тлеющих огней, и умирали в свою очередь, когда погасал огонь. Нередко они, теряя сознание, ложились прямо в огонь и умирали в страшных мучениях.

Многие доходили до сумасшествия и пожирали мясо павших лошадей; иные теряли голос, и многие, ослепнув, кружились в толпе, пока, вытесненные оттуда, не падали и не погибали в страшных мучениях.

Так называемый священный эскадрон, составленный в Орше для охраны

императора, рассеялся. Вообще трусость заменила храбрость.

Немногие гвардейцы, сохранившие вооружение, побросали его, чтобы не попасться в руки неприятеля с оружием в руках. Все распалось, нужда превратила всех в разбойников и поджигателей; сильный грабит слабого, отнимая то, что ему принадлежало по праву, не чувствуя при этом угрызений совести.

В Сморгони мы застали часть дивизии Коазона из Данцига и несколько дополнительных отрядов из Германии, высланных к нам навстречу из Вильны. Они были в полном порядке и представляли нам, людям, заросшим грязью и копотью, небывалое зрелище. Нам было приятно видеть чисто одетых солдат и слышать бой барабана.

С этого места Наполеон спешил нас опередить, передав командование принцу Мюрату. Теперь все считали себя покинутыми, тем более, что был получен приказ “спасаться как кто может”.

На другой день, 6 декабря, дополнительные отряды удалились; я и мой друг надеялись к ним присоединиться, но это оказалось невозможно; они подвигались слишком быстро, и мы не могли за ними следовать. К вечеру мы добрались с величайшим трудом до городишка Осмеяна, где опять застали дополнительные отряды.

7 декабря мы снова пустились в путь, но и на этот раз отряд потеряли из виду. В сумерки мы заметили в стороне от большой дороги несколько домов, наполненных бегущими. Мы тоже забрались в это помещение, развели небольшой огонь, сварили себе еду (из муки с водой и солью) и проспали несколько часов довольно спокойно. Я особенно ценил этот отдых, так как не спал под крышей, начиная от Москвы.

Около 2 часов утра поднялся страшный шум, раздались крики: “Казаки! Казаки!” и все выбежали на улицу. Даже мой друг покинул меня в первую минуту страха, думая, что и я за ним последую. Я остался один в этой избе и думал, что меня схватят и убьют казаки. Вдруг у меня мелькнула мысль, которую я тотчас привел в исполнение с крайним напряжением своих слабых сил. Взобравшись на поперечные балки, проходящие под крышей, я прижался к ней, сидя на балке. Едва я успел скрыться, как послышалось приближение казаков и крики бегущих. К моему счастью, огонь в очаге погас, вследствие чего внутренность избы оставалась темна. Наконец прискакали казаки, тыкали во все стороны своими копьями, но так как они ничего не нашли, то я надеялся, что они поедут дальше; однако, сойдя с лошадей, некоторые подошли к очагу и раздули огонь. Я притаил дыхание в смертельном страхе быть открытым. Обыскав все углы и разбросав все валявшиеся тряпки, они снова вскочили на лошадей и удалились.

Вероятно, они меня не заметили, ослепленные быстрым переходом от мрака к свету. Пробыв еще некоторое время на месте, когда все успокоилось, я, наконец, спустился с окоченевшими от холода членами, согрелся немного, и убедившись, что враги удалились, я со всех сил пустился бежать по направлению дороги. После часовой ходьбы я снова встретил моего друга, капитана Буч, сидевшего перед огнем невдалеке от дороги. Мы очень обрадовались, встретив друг друга, и продолжали дорогу вместе.

Порядок и внешний вид отрядов, высланных нам навстречу из Вильны, быстро изменился. Мороз крепчал. Непривычные к лишениям и опасностям разного рода, они быстро дошли до полного изнурения. Эти солдаты умирали не от

изнурения или недостатка пищи, а просто от страшного холода. Оставшиеся в живых сбросили оружие и присоединились к беглецам. У меня дело не ладилось. Лишившись обуви, я при страшном холоде должен был идти босиком по снегу и оледеневшей земле. Я предпочел бы отдыхать по целым часам вместо того, чтобы согреваться движением, но мой приятель меня постоянно понукал то добрыми, то резкими словами. Таким образом мы, наконец, дошли до города Вильны в декабре 1812 г. в 4 часа вечера. За нами гнались казаки *(Каким-то чудом спасся обер-аудитор Гмелин, друг автора. Изнурённый от усталости, он попал в какой-то ров и там заснул. Он проснулся от странного ощущения. Оказалось, что тело его было покрыто пиявками, которые к нему присосались. Это его настолько облегчило, что он мог идти дальше и счастливо вернулся в отечество.— Прим. Ред.)*

Глава II

Когда мы дошли до главных ворот, там произошла почти такая же давка, как при переходе через Березину. Люди, лошади и повозки громоздились друг на друга, не давая никому прохода. Никому не пришло в голову, что в городе должны быть еще другие ворота, через которые можно было спокойно проникнуть в город. С страшным трудом нам, наконец, удалось пробраться сквозь толпу, при чем нашим бокам пришлось немало пострадать. Но и здесь, как в остальных городах, царствовал ужас и происходили страшные беспорядки.

Прибыв в город и встретив вюртембергского солдата, мы спросили его, где можно достать хлеба и съестных припасов. Он нам указал дом еврея Лихтенштейна, где мы застали несколько знакомых офицеров и товарищей. Я прежде всего спросил хлеба, но его достать оказалось невозможно; я был так голоден, что с жадностью подбирал и глотал крошки, оставшиеся на столе. Достав у еврея бутылку красного вина, я уселся на пол у печки, не найдя другого места, и выпил вино, закусывая куском хлеба, который мне удалось раздобыть у товарища. Офицеры приходили и уходили. Вдруг я увидел знакомого человека, покупавшего бутылку красного вина. В нём я узнал моего бывшего начальника обер-лейтенанта фон Бауера. Я встал, подал ему руку, радуясь его встретить. Но он меня не узнавал, в моих лохмотьях, с головой, повязанной грязным платком, с лицом, почерневшим от грязи и копоти и пр. Когда я назвал свое имя, он обнял меня, снимая с себя вину в том, что я не получил еще награды за спасение его жизни под Смоленском. Он советовал мне скорее вернуться в отечество, обещая позаботиться обо мне по прибытии. Мы расстались, и я его никогда более не встречал. (Он погиб при Ютербоке).

Узнав, что дивизионный командир фон Шеллер нанял несколько саней для отправки офицеров, и что он раздаёт обувь, я решил отправиться к нему в 7 часов вечера с просьбой мне помочь. Узнав меня, он принял меня очень радушно, сожалея, что я опоздал на $\frac{1}{4}$ часа, чтобы получить место в санях. “Значит, и здесь опоздал; нигде-то мне не везет”, подумал я, и слезы выступили невольно у меня на глазах. Граф Шеллер старался меня утешить. На мою просьбу выдать мне обувь, граф повел меня в соседнюю комнату и дозволил взять пару сапог. Я взял самую большую пару и раскланялся. Придя назад в дом Лихтенштейна и примерив сапог, я увидел, что эта обувь мне мала, — так страшно опухли у меня ноги. Я остался без обуви и, наконец, заснул у печки так крепко, что проспал всю ночь, не слыша

беготни вокруг меня. Утром в 4 часа разбудил меня мой приятель (капитан фон Буч), собираясь уезжать. Заметив, что мои ноги опухли и я едва могу стоять, он уговорил меня остаться и поступить в госпиталь.

Все спешили удалиться, исключая заболевших. По распоряжению начальства, главный врач Поммер и комиссар Келлер были назначены для присмотра за вюртембергскими солдатами, помещенными в госпиталь. Эти два чиновника, квартировавшие в доме Лихтенштейна, доставили нам сани для перевозки в больницу. На полдороге в больницу на улице внезапно раздался крик: “Казачи!” В эту минуту они ворвались в город. Мы все, едва державшиеся на ногах, забыв от страха свои страдания, выскочили из саней и побежали без оглядки в госпиталь, куда прибыли благополучно и где нас снова тотчас же заперли. Нас поместили в комнате второго этажа, где находилось несколько больных, может быть, еще более несчастных, чем мы.

Для вюртембергских солдат были назначены два госпиталя — один в самом городе недалеко от Высоких ворот, другой на большой дороге недалеко от въезда в город. В каждый госпиталь помещалось от 600 до 700 человек. В лазарете, помещавшемся за городом, как говорили, все больные были перебиты неприятелем. Этого не произошло в нашем. Но мы подвергались страшным жестокостям, и через несколько месяцев большинство больных умирали, как видно будет впоследствии.

Офицеры, нашедшие убежище в этом госпитале, были помещены в трех комнатах; вот их имена (помеченные + умерли в Вильне):

+ генерал фон Редер; + майор фон Шаумбург; + фон Вальденфельс; + капитан фон Гауг; + фон Глокнер; + фон Чок; + фон Бёкель; + фон Камптс; + фон Лавенштейн; фон Аранд. Обер-лейтенанты: + фон Флеминг; + фон Шюслер; + фон Шлейервебер; + фон Кустер; + фон Гарпрехт; + фон Рау; + фон Бауэр; + фон Раухгаупт; фон Герман; фон Дитрих; Курц; Клинглер; Клейн; Мейсримель; Иелин; Бюлов; Соден. Лейтенанты: + Раухгаупт; + Эдингер; + Вебер; + Гмелин; + Рёдер; + Вакс; Бессерер; Дитрих; Грименштейн; Биберштейн; Шталь; Кун; Рейс; Гимер; Пикарт; + Деннигер; + пастор Гребер; + гл. врач Мюллер; + Гарпрехт; Поммер; Людвиг; Клейн. Комиссары: + Георгий; + Гауб; Келлер.

Через несколько дней прибыли ещё следующие скрывавшиеся в городе:

Полковник Зегер; + майор фон Вундт; фон Мюллер, + фон Грюнберг; капитан Шпет.

Мы находились в безопасности, но надолго ли? Чем жить и чем питаться? Окна были покрыты толстым слоем льда, выбитые стекла забиты тряпками. Топили мало при 23-24 градусах мороза, так что вода замерзала в комнате. Кроватей не полагалось, не было даже соломы; мы лежали, завернутые в холщевые тряпки, друг возле друга на полу в постоянном страхе погибнуть от нашествия неприятеля. При вступлении русских в город мы постоянно слышали скрип колес, ругательства солдат, раздирающие душу вопли несчастных, которых жители и евреи выгоняли из домов, где они нашли убежище; их грабили и убивали.

Мы проводили дни и ночи в постоянном трепете, без пищи, дрожа от холода. Вдруг на второй день у ворот раздался стук, взломали замок. Изверги ворвались в госпиталь и разбрелись по всему дому. Мы отдали им все, что у нас было, умоляя на коленях о пощаде, но все было напрасно. “Шельмы-французы!” кричали они, при этом они нас били кнутами, толкали ногами. Так как нападения

этих извергов повторялись, то у нас обобрали все до последней рубашки и половиков; а когда у нас уже ничего не осталось, то нас били как собак, ища, не скрывается ли чего-нибудь под тряпками. Лейтенант Кун, опасно раненый в голову, упал при этом без сознания, и его с трудом привели в чувство.

Эти ужасы продолжались три дня и почти все ночи. Многие больные сходили с ума, бегали в бреду, пока силы не оставляли их, и, наконец, умирали, как бы застывая, сосредоточиваясь неподвижно на одной думе. Большинство больных умерло в это ужасное время или через несколько дней.

На пятый день, 14 декабря 1812 г., мы узнали, что его высочество герцог Александр Вюртембергский прибыл в город. Поэтому мы просили генерала Редера, чтобы он отправился к нему представить наше положение и просить у него защиты; на это он охотно согласился. Возник вопрос, как к нему добраться, так как на улицах продолжались грабежи и разбои. Один еврей предложил проводить генерала, ручаясь за его безопасность. Прибыв к его высочеству, он был не только встречен благосклонно, но, несмотря на свой жалкий наряд, приглашен к столу и получил охранную грамоту с обещанием, что о нас позаботятся во всех отношениях.

Все это нас очень обрадовало, мы были довольны дарованной нам охраной в лице старого гусара, который был с нами очень любезен во время пребывания в городе герцога, но после его отъезда он оказался очень недоволен, так что нам пришлось предложить ему денег, собранных в складчину.

На другой день явился адъютант герцога с военным доктором. Они обошли все палаты, расспрашивали о состоянии больных; врач щупал пульс и делал отметки в записной книжке. Мы были очень довольны и совещались о том, как нам лучше поступить. Когда по прошествии двух дней мы узнали, что герцог уехал, мы были уверены, что он был воодушевлен наилучшими намерениями и, может быть, даже выдал деньги на наше содержание, но они, вследствие его отъезда, попали в ненадежные руки, и нам уже некому было жаловаться. Однако счастье нам улыбнулось: на 3-й или 4-й день после своего отъезда он прислал каждому офицеру по четыре талера, обещая и впредь о нас позаботиться.

Управляющий госпиталем врач Поммер и комиссар Келлер получили, как говорят, от герцога 300 дукатов для вспомоществования несчастным, покинутым людям. Принимая во внимание, что таких несчастных в городе было более 1400 человек, на каждого приходилось едва по 1 ½ гульдена. По решению генерала Редера на эти деньги купили дров и припасов, чтобы помочь нужде. Но когда деньги были истрачены, эти благодеяния прекратились.

Когда его величество император Александр I посетил город вскоре после отъезда герцога, все госпитали были осмотрены генералом в сопровождении врачей. И на этот раз помощь не оказалась особенно значительной; но все же пленным была выдана одежда из французских запасных магазинов и стали выдавать правильно съестные припасы, назначив по 5 копеек каждому солдату и по 50 коп. офицеру, без различия чина. Мы тоже получали это вспомоществование до тех пор, пока вюртембергский комиссар, высланный нам на встречу, не принял нас из плена на границе.

В то время, как мы нашли убежище в отведенном нам доме, хотя там с нами и обращались жестоко, в городе с несчастными обходились немилосердно.

Все дома были переполнены людьми; несчастные лежали даже на улицах и

во дворах, не находя места в домах. Когда русские вступили в город, этих несчастных подвергли страшным истязаниям. У них отнимали все без различия и бросали их раздетыми на улицу при жестоких морозах в 24-26 градусов. Тут они попадали в руки партизанов, которые отнимали у них последнее, подвергая их ужасным истязаниям, или просто убивали, что было лучше, так как им предстояло замерзнуть от холода. — Крики на улицах становились все ужаснее, когда, собрав в кучи несчастных, выброшенных на мороз, их целыми сотнями запирали в пустые помещения при церквях или монастырях, не давая возможности развести огня, не выдавая пищи по 5 и 6 дней и отказывая даже в воде. Таким образом почти все погибли от холода, голода и жажды. Немногие, получившие теперь на пропитание сухари, которых они не могли разжевать слабыми челюстями, питались до сих пор человеческим мясом умерших товарищей, обгрызая его с костей, как собаки. Когда мне это рассказывал один фельдфебель, я не хотел верить, но он мне показал место, где валялись трупы умерших с обглоданными руками и ногами. Я поспешил покинуть это место, воспоминание о котором будет вечно служить позором для моей нации.

Мертвецы, окаменевшие от мороза, лежали на улицах, занесенных снегом или на дворах позади домов. Никто не думал их убрать или похоронить. Во многих госпиталях, устроенных за городом, люди помирали сотнями от злокачественной нервной горячки. Их тоже не хоронили. Во многих больницах больных выбрасывали из окон прямо на двор, где они лежали целыми горами. При вюртембергском госпитале целый сарай был наполнен телами мертвецов. “Мирные жители”, думал я, проходя вечером через этот сарай-кладбище, и старался миновать его как можно скорее. Но скоро мне надоело проходить этой ужасной дорогой. Однажды вечером я пробыл в городе дольше обыкновенного, зная, что вход в сарай не запирается, и я никому не помешаю. Дойдя до двери, я готовился пуститься, как всегда, скорым шагом, потирая руки и ежась заранее, потому что переход был не из особенно приятных. Но, дойдя до середины, я споткнулся и упал на мертвеца, не убранного прислужниками по небрежности, а может быть, и умышленно. Бледный, задыхаясь, как будто сама смерть гналась за мной по пятам, я вошел в комнату, где, однако, никто ничего не заметил, потому что больные нервной горячкой не отличаются тонкой наблюдательностью. Я ничего не сказал, и мертвец также молчал. То был мой последний путь в одиночестве через эту могилу; когда тут случались другие, я всегда посылал их вперед.

Много бедствий осталось позади, но еще не мало ужасных сцен ожидало меня впереди. Большинство больных отморозили себе во время страшного отступления ноги, руки и пальцы на руках и на ногах и т. д. и теперь лежали уже пораженные гангреной; приходилось отнимать один за другим отмороженные члены, что, конечно, причиняло невыносимую боль. Когда наступал час докторского посещения, на всех лицах выражался ужас и со всех сторон неслись жалобные стоны, пронизывавшие до мозга костей. После ухода докторов отрезанные, почерневшие от гангрены члены собирали в кучу и выносили. Таким образом у лейтенанта Вакса, к счастью умершего потом от горячки, были постепенно отрезаны все пальцы на ногах и на руках.

Я лежал с опухшими ногами среди горячечных больных, умиравших днем и ночью, и возблагодарил Бога, когда ноги у меня настолько зажили, что я кое-как мог снова бродить. У меня доктора хотели тоже сначала отрезать ноги и один

палец, но я не дал, соглашаясь лучше умереть, чем остаться калекой.

Благодаря большой неопрятности в госпитале, я чувствовал себя все-таки очень плохо и боялся, как бы не заболеть нервной горячкой, поэтому, несмотря на слабость в ногах, я старался при каждой возможности выходить на улицу и обходил кофейни и трактиры города, не для того, чтобы поесть, но чтобы подышать свежим воздухом. Таким образом я избегнул горячки и снова окреп. Может быть, этому содействовало то обстоятельство, что я уже раз перенес эту болезнь в очень тяжелой форме.

Смерть уже унесла многих среди нас, и все лекарства были бессильны с ней бороться, потому что болели не только телом, но и душой. Больные все время бредили своими родственниками — друзьями и родиной. Около меня лежал всеми любимый полковой священник и не умолкая говорил проповеди. Другой, рядом со мной, лейтенант фон Бюлов, по большей части путешествовал: разговаривал с почтарем, с трактирщиком, со своими спутниками и т. д. Иногда такие речи забавляли, но по большей части они потрясали до глубины души, в особенности сопровождаясь зрелищем, как больные метались на своем жестком ложе, пока не приходила смерть, и одного за другим не выносили в дверь.

Обыкновенно люди умирают ночью, то же наблюдалось и здесь. Трупы сейчас же убирали из комнат, но не относили в упомянутые выше мертвецкие, а складывали кучами в коридоре, где они сейчас же замерзали, превращаясь как бы в камень, так что нечего было опасаться, чтобы кто-нибудь из них мог снова очнуться. Утром их скатывали по ступеням или сбрасывали с крыльца во двор, что всегда заставляло нас содрогаться от жуткого чувства, и мы могли в комнате сосчитать по числу скатившихся, сколько человек умерло за ночь. Сначала мы обыкновенно насчитывали до 10-20 сброшенных мертвечов, потом меньше, потому что число больных в госпитале быстро уменьшалось.

Евреи доставляли в госпиталь громадное количество награбленной провизии, на которую изголодавшиеся набрасывались жадно, как гиены, поглощая пищу почти не пережевывая, не довольствуясь часто двумя, тремя порциями кислой капусты и тому подобных тяжелых вещей. Следовало бы за этим строже следить, но заниматься нами было некому, потому что главные смотрители жили в городе и, опасаясь заразы, избегали госпиталя, как чумы.

Скоро стал ощущаться недостаток в лекарствах, но тяжелее всего было отсутствие топлива, так что у бедных больных, лежавших на полу на скудной подстилке из соломы, не попадал зуб на зуб и застывали руки и ноги.

Генерал фон Редер, употреблявший все усилия для облегчения нашего положения, написал императрице-матери. Было также послано письмо банкиру Якоби в Кенигсберг, но от него получился ответ, что проезжавший военный комиссар отобрал все деньги, ничего не упомянув о госпитале в Вильне, так что он не может вступить с нами ни в какие денежные дела. От императрицы-матери нам и саксонским офицерам вскоре было прислано значительное пособие, из которого каждому офицеру было выдано по четырнадцати прусских талеров, с присовокуплением, что государыня, по мере сил, будет заботиться о своих соотечественниках. Вечная благодарность благородной государыне, чья память навсегда сохранилась в сердцах получивших от нее столь великодушную помощь. Позднее, в России, мы еще раз получили небольшое вспомоществование.

Наконец умер от горячки и генерал фон Редер, поселившийся в городе. Он

был единственным, чьи бранные останки были положены в гроб и преданы земле на кладбище в присутствии нескольких офицеров.

Многочисленные французские военные комиссары, также находившиеся в плену у русских, постарались втереться в доверие властей, так что им были поручены заботы о продовольствии. Однако эти люди, заботившиеся о себе больше, чем о других, и теперь не отказались от своих привычек; пища — лучшее лекарство для выздоравливающих — выдавалась с каждым днем в все меньшем количестве, пока со всех сторон не начались жалобы и не было произведено расследование; многие комиссары после того были арестованы, подвергнуты наказанию со стороны русских, и деятельность их прекратилась.

Когда я ложился в госпиталь, у меня оставалось еще много из денег, спрятанных мною под Красным, и, несмотря на полное духовное и физическое изнеможение, я всё-таки догадался, входя по лестнице госпиталя, засунуть пригоршню золота, завернутого в бумагу, в отверстие от сучка в столбе. Если бы я был настолько благоразумен, чтобы спрятать все деньги на дворе, положив их под одного из мертвецов, то они уцелели бы, потому что голых мертвецов казаки не трогали. Когда начался грабёж в госпитале, у меня всё отобрали за исключением двух золотых колец, надетых на пальцах. Я быстро положил их в рот и в испуге проглотил, но потом, к счастью, они снова вернулись в моё обладание. Одно из них я ношу до сих пор, это обручальное кольцо моего отца. Когда, наконец, в госпитале снова были восстановлены нашими охранителями спокойствие и тишина, я совершенно забыл о спрятанных деньгах. Но, спускаясь однажды по лестнице, чтобы навестить кое-кого из соотечественников, лежавших в другой палате, я случайно взглянул на сучок и сейчас же вспомнил о деньгах. Убедившись, что никто за мной не следит, я осмотрел дыру и нашел деньги в целости; денег было около пятнадцати луидоров.

При прогулках по городу я часто покупал привозные недурные плоды и относил их бедным больным, по вечерам нетерпеливо смотревшим на дверь, ожидая, скоро ли я вернусь, и протягивавшим ко мне со всех сторон исхудалые костлявые руки, чтобы получить яблоко.

Евреи, которым чего-то недостает, когда нечем барышничать, скупали старое платье больных, умерших в госпиталях от горячки, уносили его в свое жилище, чтобы вычистить и т. д. и снова пустить в ход.

Таким образом среди них распространялась зараза, вымирали целые семьи, даже дома, что нас от души радовало, являясь заслуженным наказанием за их гнусные поступки с несчастными.

Попавшие в плен французские маркитантки и солдатские жены открыли в городе кофейни, трактиры и игорные дома, чем вознаграждали себя за понесенные потери. Мысль была недурна: почти у каждого уцелело хотя немного денег. В трактирах можно было хорошо поесть и разогнать мучительную скуку; азартные игры развились до ужасающих размеров, и серебро и золото переходило из рук в руки, как на большом курорте. Конечно, благодаря этому, многие попадали в безвыходное положение, зато некоторые поправляли свои плохие дела. Тот, кто довольствовался тем, что имел, и не поддавался соблазну испытать счастье, проявлял наиболее благоразумия, запасаясь бельем и одеждой; таким образом поступали почти все немцы за немногими исключениями.

Смерть с каждым днем уменьшала количество пленных, в чем легче всего

было убедиться в ресторанах. В нашем госпитале смертность тоже была так велика, что офицеры, занимавшие сначала три палаты, наконец, все поместились в одной; тем более, что несколько человек получило разрешение жить в городе. Из пятидесяти офицеров умерло тридцать, т.е. больше половины, а из 500 солдат едва ли уцелело 2/5, и это количество быстро уменьшалось с приближением весны. Общий подсчет умерших за четыре месяца моего пребывания в Вильне достигал приблизительно 2000 офицеров и 20000 солдат. И в русских военных госпиталях процент смертности был большой, потому что здесь также развилась госпитальная горячка.

Когда прошли январь и февраль 1813 г., смягчились ужасные морозы, наступил март месяц с тающим снегом и ясными днями, дороги просохли и нечего было больше опасаться грабежей, мы начали осматривать окрестности города, имея право свободно, без надзора, гулять везде. Я обыкновенно совершал прогулку к старым развалинам на горе, откуда с вершины одинокой башни виден был не только весь город, но и его далекие окрестности к югу и к западу, по направлению любимой родины. Часто мы заходили также в кофейню в четверти часа ходьбы от города (Баланка) по дороге в Ковно, главным образом, чтобы подышать свежим воздухом и отдохнуть от трупного запаха в городе, распространяемого при наступившей теплой погоде многочисленными трупами, за уборку которых полиция принялась только теперь.

Вывозка трупов из города представляла ужасное зрелище. Обыкновенно для этого употреблялись большие телеги, куда сваливались груды еще не совсем оттаявшие мертвецы, в тех позах, как застыли в мучительной или легкой смерти, и ничем не прикрытых, среди белого дня, их везли по улицам города. Для сожжения стольких трупов требовалось слишком много дров, поэтому от такой мысли скоро отказались. Трупы из верхнего города свозили просто, в одно место, размытое водой, и слегка забрасывали землей. В нижней части города их просто сбрасывали в Вилию, уносившую их на льдинах и, вероятно, выбрасывавшую на берег в каком-нибудь другом месте.

Однажды, когда мы уже все пообчистились, запаслись новым бельём и платьем и ожидали скорой отправки в глубь России, мы, — несколько человек офицеров, — вернувшись как-то с прогулки, к своему великому ужасу нашли одну из наших комнат разграбленной. Сейчас же мы осмотрели свои пожитки и увидели с глубоким прискорбием, что у нас снова украли то небольшое, что имели. У меня из ранца, где было сложено белье, пропал воротник на пальто, сделанный мной для путешествия, и многие другие вещи. Вероятно, вором был кто-либо из наших солдат, но доказательств у нас не было.

Наконец приступили к перевозке выздоравливающих пленных в глубь страны, и вскоре черед должен был дойти также до нас; тут один шорник-немец предложил мне воспользоваться услугами знакомого ему еврея, бравшегося переправить меня через Неман и доставить в Кенигсберг, в чём я с ним окончательно договорился. Случайно, или потому что мой план был открыт, полковник фон Зегер обратился к нам с не особенно связной речью указывая, что исчезновение одного из нас сильно повредит всем остальным и т. д., и взял с нас честное слово, что никто не сделает попыток к бегству. Таким образом и мне пришлось отказаться от своего намерения.

Благодаря любезности баденского офицера, фон Брёма, сестра которого

находилась при русском дворе, — что доставило ему разрешение императора Александра вернуться на родину, — я мог написать несколько строк матери (фон Брём аккуратно передал ей письмо). Наконец наступило 7 апреля 1813 г., и очередь перевозки дошла до нас.

Наиболее поправившиеся из больных, находившихся в госпитале, были доставлены полицейским офицером в Дебречин, где находилось главное управление по делам военнопленных. Мы простились с друзьями и отправились туда, где уже собралось много народа, предназначенного для отправки. Наконец мы были все переписаны; после четырехчасового ожидания появился русский полковник фон Горн, комендант Вильны, и передал нас другому русскому офицеру, поручику Вейгелю, говорившему по-немецки и по-французски.

Многие из нашего транспорта, преимущественно штаб-офицеры, пожелали совершить путешествие быстрее и с большими удобствами. Полковник фон Горн, очень сострадательный человек, разрешил им отправиться только на следующий день в путь, совершенный ими благополучно до Минска; но здесь их соединили с французским транспортом, от чего их положение, конечно, значительно ухудшилось.

Во время войны у крестьян были отобраны почти все лошади, поэтому нам было предоставлено лишь несколько повозок для вещей, а самим нам пришлось идти пешком. К счастью, переход был небольшой. Мы остановились на ночлеге в усадьбе влево от дороги, где разместились в сараях и конюшнях, не имея сначала разрешения заходить в господский дом. Но когда капельмейстер Тейс спросил конвойного офицера, нет ли в усадьбе рояля, чтобы поиграть на нем, после того как он столько месяцев был лишен инструмента, его пригласили в дом, а за ним постепенно перебрались туда и мы все. Там нас даже, хотя скудно, но все же накормили и устроили на ночлег в теплых комнатах. Семья, по-видимому, почтенная, состоявшая из отца, матери и нескольких барышень, собралась в гостиную и вся превратилась в слух, наслаждаясь исполнением на фортепиано Тейса, игравшего великолепно, так что забывались черные, сухие пальцы с длинными грязными ногтями, резко выделявшимися на белых клавишах.

Погода стояла хорошая, и конвойный офицер, сопровождавший нас, а также вся его немногочисленная команда из ополченцев, обходились с нами очень деликатно; только ночлеги были очень плохи в убогих избах, где ничего нельзя было достать и приходилось питаться припасами, захваченными с собой, так как нас предупредили заранее, чтобы мы запаслись на несколько дней мукой, крупой, хлебом, говядиной и т. д., пока не дойдем до другого города, потому что война оставила на всех окрестностях свои опустошительные следы.

11 апреля 1813 г. мы добрались до Сморгони, маленького городка, где едва раздобылись соломой для ночлега в еврейской корчме, и где нам даже не хотели разрешить приготовить себе пищу из привезенных с собой припасов, потому что все будет осквернено (треф), как объявил нам еврей. Но мы не обратили внимания на его слова и сварили себе кушанье.

Здесь мы посетили заведение, где воспитывали медведей, обучая их танцам и т. д., чтобы потом показывать за деньги за границей.

Хотя старых медведей почти не было, мы полюбовались на молодых, ласкавшихся к нам, обнюхивавших и облизывавших нас как собаки: это были забавные, косматые, дружелюбные ребята.

Мне этот городок был интересен еще потому, что звезда Наполеона спасла его здесь от гибели; здесь поджидал Наполеона отряд казаков, в тот самый день, когда он проезжал мимо; но он долго не появлялся, и казаки отлучились на полчаса, чтобы раздобыться кормом для лошадей в ближайшей деревне. В это время приехал Наполеон, и спрятавшийся французский офицер предупредил его об опасности. Наполеон, не меняя лошадей, поехал дальше в Вильно, захватив с собой офицера, а когда вернулись казаки, он уже был так далеко, что гнаться за ним было бы напрасным трудом. Это рассказывал мне мой квартирохозяин еврей; и другие, у кого я спрашивал, подтвердили его слова.

Получаемых ежедневно 15 крейцеров каждому в отдельности не хватало на удовлетворение всех потребностей, поэтому многие офицеры образовали так называемые артели; в такую артель соединились и мы — я, лейтенант фон Бюлов и лейтенант Рейс, взяв одного солдата. Мы останавливались по большей части в одном месте, на общие взносы закупали в городах съестные припасы и каждый день поочередно наблюдали за приготовлением кушанья, возложенным на солдата.

13 апреля 1813 г. мы пришли в Лебедев, 14-го в Леплиц, 15-го в Раково, 18-го в Заслав и 19-го в Минск.

В Ракове мы отдыхали несколько дней, и многие из нас посетили еврейскую школу; был как раз праздник. Школа представляла из себя убогую, довольно высокую, но темную лачугу, где стоял очень тяжелый воздух, при невыносимой жаре. Иначе не могло и быть, потому что евреи так кричали, так размахивали руками и ногами, раскачиваясь всем телом, что обливались потом и каждый заменял собой печку. Мы, посторонние зрители, не могли удержаться от смеха при виде такого странного служения Богу.

Все польские евреи говорили на плохом немецком языке, так что, внимательно прислушиваясь, их нетрудно было понять; почти на всех еще сохранилась печать восточного происхождения, черты лица были правильные, с орлиными носами, у всех почти без исключения черные волосы, коротко обстриженные на голове, только на висках висят два длинных локона, а на груди расстилается длинная борода, которой они очень дорожат. Одежда состоит из черного, доходящего до башмаков лапсердака, поддерживаемого на бедрах поясом. На голове они носят кожаную так называемую ермолку; на нее надевают шляпу с низкой тульей и широкими полями или черную бархатную шапку, опушенную мехом. Женщины закрывают волосы, как все еврейки, и в противоположность мужчинам одеваются в самые яркие цвета, по большей части в желтый и красный; на шее носят ожерелье из бус или настоящего жемчуга и показывают свой достаток, навешивая себе на грудь множество золотых монет; на ногах носят желтые или красные туфли.

Часто евреи вступают в брак еще детьми: так, я видел мужей четырнадцати, а жен двенадцати лет, проживавших, однако, еще несколько лет у родителей одной из сторон или временно у обеих сторон, пока для них не явится, наконец, возможности начать самостоятельное дело, и всегда служа своей любовью и дружбой утешением родителей.

Подобно полякам, евреи страдают от громадного количества паразитов; может быть, поляки заразились от евреев этой египетской казнью, принесенной ими, вероятно, из Египта.

Отношение польских евреев, как вообще всех их соплеменников к гоям (ко

всем принадлежащим к другой религии) презрительное; поведение, когда они могут что-нибудь сбарышничать или нажать, — по-собачьи раболепное. Они почти все трусливы; вероятно, в них еще не изгладилось воспоминание о разрушении Иерусалима. Они обладают большим лукавством и никогда не упускают из виду собственной выгоды. Все занимаются ремеслами и торговлей, и если не держаться настороже, то можно быть уверенным, что они постараются обмануть вас.

В Минске мы встретились с обер-офицерами, выехавшими позднее нас из Вильны и прибывшими на несколько дней раньше; но и они не были довольны своим путешествием.

Транспорт поместили на квартире у еврея, что было для нас чрезвычайно неприятно, потому что здесь было не так удобно готовить себе пищу, как при расселении по нескольким квартирам. Здесь мы провели неделю, пока праздновалась русская Пасха, и успели на досуге осмотреть город и соскучиться. Минск — довольно обширный губернский город, но большинство домов плохо построены и расположены. Церкви очень хороши. Больше всего мне понравился собор, где я несколько раз присутствовал на очень торжественном богослужении. Под собором находится красивый склеп, где, как делается у католиков, изображен Святой гроб, что произвело на меня очень приятное впечатление; но я ни за что не решился бы поцеловать деревянное изображение Христа, лежавшее на ковре перед могилой, рядом с кружкой для пожертвований: сколько тысяч разного народа уже прикасалось губами к этому изображению!

Православные крестные ходы, один из которых я здесь видел, мало чем отличаются от католических.

Евангелическая церковь, где я был несколько раз, очень маленькая, но очень изящна и выстроена на средства русской государыни (супруги императора Александра).

Нас поразило, что за всю неделю Пасхи мы не видали ни одного еврея на улице, хотя здесь также очень много евреев. Наш квартирохозяин ответил на мой вопрос, что на Пасхе ни один еврей не смеет попадаться на глаза русским, если не хочет быть избитым, “из-за старой истории, будто бы случившейся в Иерусалиме”.

В Вильне мы обольщали себя надеждой, что, может быть, нас поселят где-нибудь недалеко от Минска, но тут мы скоро узнали, что всех пленных отправляют в Тамбовскую губернию, и это нас поразило как громом.

Глава III

Русский офицер, доставивший партию сюда, передал нас другому — ополченцу, подпоручику Ивану Михайловичу, — не говорившему ни по-немецки, ни по-французски и едва умевшему подписывать своё имя; поэтому свои желания нам приходилось выражать ему пантомимой.

28 апреля мы прибыли в Смиловичи, на речонке того же названия, плохой еврейский городишко. Хотя погода нам все время благоприятствовала, все — так путь был очень скучен, потому что дорога шла большей частью по громадным хвойным лесам, где нам попадалось много ульев. Ульи эти состоят из колоды вышиной в четыре, пять футов, выдолбленной внутри и заделанной сверху и снизу дощечками. Внизу оставляется маленькое отверстие, как в наших ульях, чтобы пчелы могли прилетать и улетать. Расставляются они также очень странным

образом: на высоте 15-20 футов устраиваются вокруг толстого дерева подмости, так что по ним свободно можно обходить вокруг ствола. Здесь устанавливаются ульи, по 6-8 штук на каждом подмостках. Поляки не прилагают к пчеловодству никаких трудов, только выставляют пустые ульи, а полные уносят домой. Когда пчелы роятся, избранная царица пчел отыскивает такой пустой улей и там поселяется со своим роем; так как ульи никогда не пустуют, то безразлично, откуда прилетел рой, и право собственности оспаривать не приходится. Медведи очень опасны для таких ульев, и чтобы избавиться от них, поляки обсаживают дерево терновником, мешающим медведям влезать на деревья.

В этих громадных лесах мы видели много волков, редко, однако, нападающих на людей, если их не принуждает к этому отсутствие всякой другой пищи. Но все-таки испытываешь жуткое чувство в соседстве с этими дикими зверями.

Редко попадавшиеся по дороге деревни были еще по большей части покинуты жителями, и убогие соломенные крыши плохеньких изб сожжены располагавшимися поблизости биваками.

30 апреля мы переночевали в деревне Лиды, а 1 мая 1813 г. прибыли в большую деревню Якшицы. По дороге нам пришлось переправляться через Березину, здесь не широкую, но сильно прибывшую, на плохом пароме, состоявшем из двух круглых бревен, выдолбленных как корыто и связанных веревками. На них лежало несколько досок: через реку был протянут канат, к которому был прикреплен этот утлый плот, чтобы паромщик мог его перегонять с одного берега на другой. Первая партия была переправлена благополучно, но когда вторая, немного большая, доплыла до середины реки, выдолбленные бревна наполнились водой, так что мы стояли уже по колена в воде. Тут уже все принялись за работу, и, к счастью, когда паром совсем погрузился в воду и натянутый через реку канат готов был лопнуть, мы были уже почти у берега. После того нам, промокшим насквозь, пришлось еще идти с четверть часа пешком, пока мы добрались до места стоянки. Так как большая дорога на Бобруйск идет по правому берегу Березины, нам пришлось на следующий день переправляться через реку обратно в том же самом месте, но тут уже мы были осторожнее во избежание повторения неприятного приключения, пережитого нами накануне.

2 мая 1813 г. мы прибыли на стоянку в Остров, маленькую деревушку, т.е. нашли приют под крышей, где оказалось еще немного соломы, но о пище приходилось позаботиться самим.

3 мая мы пришли в Свислочь, небольшой городок на Березине, 4-го в Галинку, маленькую деревушку, и 5 мая в Бобруйск, где были довольно удобно помещены у еврея. И здесь у нас вышел спор с нашим хозяином, не позволявшим нам разводиться огнем, не дававшим кухонной посуды, пока мы не обратились к своему конвойному офицеру, и тот несколькими ударами нагайки не призвал еврея к порядку.

В том же доме жило польское семейство. Муж, кажется, служил в какой — то канцелярии. Добрые люди сжалились над нами и часто присылали нам разную провизию, которая тут была очень дорога.

Бобруйск — маленькая крепость, расположенная среди песчаной равнины. С одной стороны перед ней река Березина и большие болота, но с другой стороны, откуда ее осаждал во время войны польский генерал Домбровский, ее легко можно

бы было взять, потому что все укрепления возведены из песка и очень непрочны. Кроме того, деревянные дома города примыкают вплотную к укреплениям, что весьма нецелесообразно в крепости, потому что их легко поджечь, и пожар будет мешать защите главного вала. Прожив здесь пять крайне скучных дней, 10-го мы снова выступили в путь на Михайлово, маленькую деревушку, где ночлег был положительно невозможный, так что многие товарищи решили расположиться биваком; но так как мы имели право требовать себе более удобного приюта, то я в сопровождении еще нескольких человек отправился в ближайшую усадьбу, где поместился русский офицер, и мы также расположились там. Помещик оказался любезным человеком; нам была сейчас же отведена комната и предложен хороший ужин. 11 мая 1813 г. мы пришли в местечко Старопоболово, где переменили лошадей, и двинулись дальше к деревне Усперову, где ночевали.

12 мая перед отъездом мы полюбовались прекрасным видом на противоположный берег Днепра. Мы переправились на хорошем пароме через довольно широкую здесь реку и прибыли на назначенную стоянку, название которой я забыл, где в каждом доме застали двух-трех человек больных вследствие лишений, перенесенных во время войны.

Здесь должен был позаботиться о квартире лейтенант Рейс, но лейтенант ф.-Бюлов остался очень недоволен его выбором, после чего лейтенант Рейс вышел из нашей артели, а на его место был принят врач Клейн. 13 мая 1813 г. мы прибыли в Мирьелевицы, красивую, только что отстроенную деревню на дороге. На следующий день была плохая погода, но теперь мы двигались по красивой, живописной, разнообразной местности. В полдень прибыли на стоянку Чечерск, небольшой, хорошенький городок, где, однако, нам досталась очень плохая квартира у еврея, которому мы с досады разрисовали все стены углем, на что еврей очень рассердился. Здесь, в красивом доме, жила графиня, обращавшая день в ночь и наоборот. Ей предсказали, что она умрет ночью, и поэтому она спала только днем, чтобы таким образом обмануть смерть.

15 мая мы продолжали свой путь в Залесье. Перешли небольшую речку Сож и удобно разместились у радушных крестьян. Однако в эту ночь нам пришлось пережить сцену, нас сильно испугавшую. Не успели мы уснуть на соломе, как вокруг нашей избы поднялся сильный шум. Один из нас поспешил к окну, чтобы посмотреть, в чем дело, и увидел, к великому нашему страху, человек шесть, восемь мужиков, вооруженных дубинами и столпившихся перед домом. Мы приготовились к самому худшему, потому что ненависть к французам простиралась и на нас, пленников, и могла вызвать какую — нибудь дикую расправу. Однако, наконец, мы поняли, что дело касалось нашего квартирохозяина, прятавшегося весь день, чтобы уклониться от повинности по поставке подвод, и, наконец, ночью вытащенного крестьянами из избы и сильно избитого под ужасный крик женщин и детей. Нам оставалось только подивиться на такое правосудие.

16 мая мы прибыли в Свечиловицы, плохую деревушку, где по обыкновению с трудом раздобылись кое-чем съедобным.

Здесь в первый раз мы видели русскую баню, устроенную следующим образом: в маленьком домике, стоящем около воды, заключается одна комнатка, где помещается печь, в роде наших хлебных печей. Когда жара в комнатке доходит до того, что почти захватывает дыхание, народ идет в баню, там раздевается и всё тело сейчас же покрывается потом; чтобы вызвать его ещё обильнее, они стегают

себя вениками, взбираясь всё выше и ложась на устроенных в бане ступеньках. Придя в совершенное изнеможение, обливаясь потом, они выскакивают из бани и бросаются в холодную воду, ложатся в неё или, если недостаточно глубоко, обливаются водой. После такого охлаждения они сейчас же возвращаются снова в баню, чтобы не простудиться и дать телу снова согреться. Это проделывается весь год, летом и зимой, обыкновенно по субботам.

17 мая 1813 г. мы прибыли в деревню Реслинку, 18-го в Ровеместо, тоже деревню. Долго мы не могли нигде устроиться, пока не зашли в маленькую усадьбу, где сначала нам отказали. Помещик был болен чахоткой; мы намекнули, что с нами доктор, и он очень обрадовался. Доктор Клейн пощупал у него пульс, принял глубокомысленный вид, прописал лекарство, и с этой минуты мы обратились в желанных гостей: нас накормили и, в первый раз за все время плена, прикрыли солому чистыми простынями и дали каждому по подушке. Как это было приятно мне, не выдавшему постели с июня месяца 1812 г. и даже не всегда имевшему возможность получить охапку чистой соломы, потому что обыкновенно мы уходили из изб, благодаря невозможному дыму и ужасной нечистоплотности, и искали себе приюта где-нибудь в хлеву вместе с скотом. Ночи были по большей части очень холодные, в особенности под утро; у нас было мало одежды, прикрыться было нечем; но все же мы предпочитали такой ночлег на воздухе, где нас, по крайней мере, не тревожили тараканы или прусаки.

19 мая 1813 г. мы перешли из русской Польши в настоящую Россию. Миновали местечко Зыбь-Мая и заметили большую разницу с Польшей. Было как раз воскресенье или вообще какой-то праздник; все население было чисто одето. Так как здесь проходило еще мало транспортов пленных, а между тем русские отличаются большим любопытством, то нас окружила толпа зрителей, относившихся к нам, однако, не особенно дружелюбно и уже при нашем появлении встретивших нас от мала до велика обычным приветствием: “Шельма француз! французам капут!!” и т. д. Раньше проходивший транспорт они даже забросали камнями и грязью.

Накормив здесь лошадей, мы поехали дальше в Вымоту, очень большое село. Здесь нам отвели хорошее, чистое помещение, и хозяева оказались очень радушными людьми.

20 мая 1813 г. мы прибыли в Местикороб, местечко, где не было уже евреев, так как **евреям запрещено жительство в России.**

22-го прибыли в Карбовицы, 23-го, в плохую погоду, в местечко Семенотка. Здесь мы удобно разместились. Вечером некоторые офицеры пошли в сад русского генерала. Владельца не было дома; они застали только управляющего, порядочного человека, которому они рассказали о своем положении. Услыхав, что некоторые из нас играют на флейте, он сообщил о том молодой графине, дочери генерала; последняя, большая любительница музыки, пригласила офицеров устроить в саду маленький концерт. Мы последовали приглашению, играли сначала марши и арии, сочиненные нашим капельмейстером Тейсом. Собралось все лучшее общество города; управляющий позаботился об угощении; были поданы наливки, пиво, хлеб, мясо, сыр и т. д. Понемногу все развеселились, мы заиграли вальсы, и, наконец, начались оживленные танцы; хотя земля была довольно сырая, но этим никто не смущался, пока вечер не разлучил общество, расставшееся весело и в удовольствии. Это происшествие служило для нас потом долго темой оживленных

бесед.

25 мая мы завтракали в городе Новгород — Северске на Десне. Нас поразило, что все дома в городе покривились и покосились. Каменные дома в таком положении непременно обваливались бы, но деревянные дома, где балки пригнаны друг к другу, стоят так уже много лет и еще очень крепки. Мы узнали, что городок и окрестности пострадали от бывшего когда-то давно землетрясения, и действительно, вокруг города мы видели несколько глубоких расщелин. Более подробных сведений мы не могли собрать, еще плохо понимая по-русски, а никто из жителей не говорил ни по-французски ни по-немецки. Жители обошлись с нами очень приветливо, убедившись в нашем печальном положении.

Приблизительно в четыре часа пополудни мы снова двинулись в путь и на следующей остановке, в деревне Сверсь, любовались живописным видом берегов Десны.

26 мая 1813 г. мы ночевали в Чернявском, большом селе, 28-го проехали через местечко Зевист, где отдохнули, а на ночлег поехали дальше в другую деревню. Жара все усиливалась; кроме того, нам приходилось сильно страдать от пыли, так как мы совершали большие переходы.

29 мая мы прибыли в Севск, где нагнали несколько транспортов пленных, выступивших раньше нас из Минска. Нам отвели плохое помещение; жители отличались большой грубостью и осыпали нас насмешками и бранью.

Саксонским офицерам и солдатам было объявлено здесь об освобождении из плена, так как Саксония присоединилась к союзу держав. В соборе было торжественное богослужение, и все пленные получили приглашение на нем присутствовать. Человек тридцать певчих составляли прекрасный хор; потом священник прочел об освобождении саксонцев (на русском языке, чего мы, конечно, не поняли и нам об этом повторили еще раз). Затем епископ, в праздничном облачении, произнес речь и пожелал счастливого пути освобожденным, после того опять запел хор, а епископ обошел всех и кадил так, что мы чуть не задохлись. В заключение он пожелал на французском языке скорого освобождения тем, кто оставались еще в плену, чего, однако, пришлось еще долго ждать. Жители после того стали относиться к нам лучше, а мы все начали выдавать себя за саксонцев.

Нам пришлось пробыть здесь несколько дней, пока русские офицеры покончили с передачей саксонцев, потом мы простились с уезжавшими на родину друзьями и продолжали свой путь 1 июня 1813 года в село Доброводы.

2 июня 1813 г. мы прибыли в Дмитриев, небольшой городок; здесь мое внимание обратил на себя козел с семью рогами, имевший очень забавный вид; я спросил, сколько он стоит, мне отвечали, что пять рублей ассигнациями (на наши деньги два флорина). С удовольствием я купил бы его шкуру, но как было довести ее из такой дали на родину?

3-го мы переночевали и отдохнули в деревне, в тридцати верстах от Дмитриева и Анненкова, где устроились в избе у хороших крестьян.

5 Июня прибыли в Шевец, маленькое местечко. Во время этого переезда между нашим конвойным офицером и возчиками вышел спор; последние отказывались ехать, получив не сполна следуемую плату, выплачиваемую русским офицером. Задержавшись, благодаря этому, на целый час, мы поехали дальше очень быстро и остановились на ночлег в селе Чернявском.

6 июня мы прибыли в Ливны, маленький городок; здесь народ тоже с любопытством разглядывал нас и выражал свое злорадство, на что мы, однако, уже не обращали внимания. Мы сварили себе кое-как обед и снова двинулись в путь; в шести верстах от города переменили лошадей, при чем опять вышло недоразумение между русским офицером и крестьянами, которые в этой местности очень неотесаны и собираются толпами, чтобы отстоять свои права, как только в деревне происходит хотя самое незначительное событие. После новой задержки, продолжавшейся несколько часов, мы поехали дальше в Казаки, деревню, где переночевали.

7 июня 1813 г. мы прибыли в Елец, красивый, вновь отстроенный город, совершив большой переезд при очень дурной погоде и промокнув до костей. После продолжительных поисков нам удалось, наконец, найти плохую квартиру, где даже за плату нам не хотели дать свечи.

8 июня мы прибыли в Патриаршее, большое село, совершив большой переезд и переправившись по зыбкому мосту через Дон, здесь еще незначительную реку. Тут предполагалась остановка, но за несколько часов до нас сюда прибыл отряд рекрутов. Совместное пребывание с ними было для нас невозможно, поэтому мы попросили конвойного офицера перейти с нами в другую деревню. Он исполнил нашу просьбу, и мы отправились дальше в деревню Студинец, находившуюся за пять верст. Был праздник, из церкви нам навстречу выходили нарядно одетые крестьяне.

9 июня 1813 г. мы миновали Липецк, небольшой городок на реке Воронеже, через которую мы переправились в тот же день. Ночевали в деревне, в нескольких верстах от города.

10 июня прибыли в деревню Сокольничье. Нас поразило, что всюду вокруг деревни валялся павший скот. Справившись, мы узнали, что здесь был падеж на скот, но павший скот не зарывали, потому что крестьяне считали это за грех: так как земля принадлежит Богу, то надо оставлять падаль под открытым небом. Запах был ужасный и привлекал сюда тысячи ворон, никогда не виданных мной в таком количестве.

12 июня мы прибыли в Тамбов, наше будущее местопребывание, о котором нам рассказывали так много хорошего во время всего нашего путешествия. Однако нас ждало разочарование. Нас провели по городу по многим улицам, но, как мы потом убедились, только на показ, потому что, наконец, мы вернулись в тоже предместье, где проходили раньше, — самое плохое, — и тут нам было указано убогие, отвратительные помещения. Кроме того, мы узнали, к своему ужасу, что через несколько дней нас повезут дальше. Некоторые вообразили даже, что в Сибирь.

Тамбов — довольно большой губернский город на небольшой реке Оке. Здесь встречается много красивых каменных домов, потому что тут живет много богатых помещиков. Мне очень понравился своей

- 68 архитектурой и живописным видом на реку монастырь, расположенный в верхней части города. На башне его помещаются часы с курантами. Внутренность церкви очень красива. Я спросил, нет ли какой-нибудь достопримечательности или древности. Меня привели к очень старому, но безвкусной работы маленькому стеклянному ящику, где лежал кусок дерева, длиной с фут, и сказали, что это ступень лестницы, виденной Иаковом во сне.

Кроме того, мне показали волос из бороды Спасителя.

Я посетил также кадетский корпус, где преподают по большей части учителя немцы и французы, и откуда, как мне говорили, выходят очень дельные люди. Юношей воспитывают хорошо, пища питательная, но простая, постелью им служат деревянные нары, как в караульной, чтобы заранее закалить их для военной службы.

Некоторые товарищи постарались заручиться благосклонностью губернатора и получили разрешение здесь остаться.

После недельной, скучной остановки мы были переданы русскому полицейскому офицеру, изрядно выпивавшему, и 20 июня 1813 г. покинули город в составе 120 офицеров. Так как образовался целый поезд из семидесяти повозок, то нам приходилось сильно страдать от пыли.

22 июня после двойного перехода мы прибыли в деревню Пушновки, где переночевали.

23 июня мы остановились в селе Гавриловке. Обыкновенно, сейчас же по прибытии, мы обчищались от пыли и, если была поблизости вода, шли купаться. То же самое повторилось и здесь. Один из наших друзей (лейтенант Фогель, баденец) зашел за нами, чтобы пойти на озеро, где уже купались многие из наших товарищей, предупредившие нас, чтобы мы не заходили далеко, потому что здесь очень опасные места. Фогель понадеялся на свое умение плавать и отошел далеко от берега; вдруг он оступился и, несмотря на усилия удержаться на воде, пока мы спешили к нему на помощь, скрылся под водой. В числе пленных находилось несколько французских морских офицеров, сейчас же принявших меры к его спасению; но его уже отнесло водой в другое место, и наши поиски оказались тщетными. Позвали из деревни рыбаков с сетями, и им удалось вытащить тело нашего товарища. Наш врач прилагал все старания вернуть его к жизни, но его усилия не увенчались успехом. Мы обратились с просьбой к своему конвойному офицеру разрешить похороны тела до ухода; он не имел ничего против, но крестьяне этого не допустили и, когда мы спросили — почему, то объяснили в ответ, что на нем нет креста на шее, значит он не христианин. Поэтому офицер сейчас же написал тамбовскому губернатору и остался в деревне с несколькими товарищами, а мы продолжали дальше свой путь в Студенку.

25 июня утром мы проходили через торговое местечко Багим, где была ярмарка, и мы все купили для себя нательные кресты. В деревне, где мы остановились на ночлег, мы попали к добродушным крестьянам, не бранившим нас и за деньги снабдившим кое-какой провизией.

Вечером прибыл русский офицер с оставшимися в Гавриловке товарищами, не успевшими, однако, похоронить утонувшего друга, долго не получая ответа от губернатора.

26 июня остановились мы в Мучелеске, татарской деревне, каких очень много в Пензенской губернии.

Татары гораздо добродушнее и гостеприимнее русских: когда мы вошли в отведенное нам помещение, хозяйка принесла и поставила на стол с большой учтивостью хлеб-соль, что у них означает “добро пожаловать”, поэтому считается большой обидой, если не отведают хлеба сейчас же. Хозяйка внимательно следила за нами, приветливо улыбнулась, когда мы отрезали себе по куску хлеба и сделалась еще приветливее, увидав, что мы не перекрестились, как русские,

прежде чем начать есть. Она под села к нам на скамью и хотела вступить с нами в разговор. Но так как татары говорят на языке, совершенно непохожем на русский, то мы могли объясняться только пантомимой. Увидав, что мы с удовольствием едим хлеб (мы были голодны), она встала, открыла большую печь и поставила на стол полный обед. Наконец пришел сам хозяин, жена сейчас же отвела его в сторону и рассказала ему о нас, после чего он также дружелюбно нам улыбнулся и тоже подсел к нам. Когда перед уходом мы хотели расплатиться, они отказывались от денег, пока мы не объяснили им, что это не плата, но благодарность.

Простившись 27 июня 1813 г. с нашими радушными хозяевами, мы поехали дальше в деревню Каменку, где почти везде на свои просьбы получали ответ: “нету”.

28 июня мы прибыли в плохое село Константиновку. В этой местности мы обратили внимание на безрогих коров. Мы ощупывали у некоторых головы, но нигде не обнаружили признаков рогов. Вид получается странный и некрасивый.

29 июня 1813 г. мы прибыли в Пензу, большой губернский город. Здесь нас встретили приветливо и разместили в хороших домах. Я и мои артельные товарищи попали к старшему лесничему, Клев-Громову; нам отвели большую хорошую комнату, но больше ничего не дали. Зато здесь нам была сообщена радостная весть, что мы будем распределены в этой губернии.

Пенза лежит в красивой местности на реке того же названия; здесь живет много состоятельных помещиков, и жители оказались гораздо приветливее, чем в других местах.

Тут проживало несколько человек немецких ремесленников, между прочим — пензенский портной, баденец, оказавший много дружеских услуг своим соотечественникам. Те по возвращении сообщили о нем великому герцогу, и он по княжески его наградил.

Город вытянулся в длину; все улицы, кроме главной, немощеные, как в большинстве русских городов, и после дождя положительно непроходимы. Однако, во всех более значительных городах передвижение облегчается, благодаря извозничьим дрожкам, везущим вас куда угодно за ничтожную плату. Есть здесь также рестораны и бильярды, но очень плохие.

По истечении 18 дней, довольно приятно прожитых нами в Пензе во время ярмарки, все пленные были вытребованы в полицию. Те, кто не получили разрешения губернатора, князя Голицына, остаться здесь, были распределены по уездным городам и отправлены на следующий день в Краснослободск, Городище и Саранск.

Мы, оставшиеся от нашего первоначального транспорта, попали в Саранск и, совершив путешествие туда в три дня, 18-го вечером, еще засветло, прибыли в этот город. Здесь всем нам были отведены хорошие квартиры, и жители оказались очень радушными и приветливыми.

Полицмейстер Иван Яковлевич Этсукот был прекрасный человек; он уже раньше получил извещение о нашем прибытии и заранее распорядился, чтобы нам были отведены удобные квартиры. Его приказание было исполнено полицией в точности. На следующий день мы, все офицеры, хотели поблагодарить полицмейстера, но он уже уехал. Старый француз, гувернер детей его, принял нас очень любезно и обещал известить нас о приезде полицмейстера. Через несколько дней мы получили приказ явиться к нему, к 10 часам утра. Мы оделись как можно

лучше и пошли. Он принял нас очень предупредительно, выразил сожаление, что мы не застали его дома, когда являлись представиться, и потом пригласил всех обедать.

До обеда мы выпили еще по несколько чашек чая и выкурили по трубке турецкого табаку, при чем наш хозяин имел любезность предложить лично каждому набитую трубку. В двенадцать часов слуга подал хорошую наливку, что принято у русских для возбуждения аппетита; потом сели за стол. Полицмейстер, говоривший только по-русски, сидел на верхнем конце рядом с французом, жена его с детьми — на нижнем, а мы, офицеры, по обеим сторонам стола. Обед был прекрасный и пили только вино. За десертом слуга подал полицмейстеру бокал шампанского, он встал, выпил за наше здоровье, а потом каждому поочередно наливали в тот же бокал, и все мы пили за здоровье полицмейстера и его жены. После обеда мы перешли в другую комнату, где уже был приготовлен кофе, выкурили там еще по трубке, выпили по несколько чашек кофе, побеседовали еще несколько времени, потом простились, и полицмейстер взял с нас обещание часто навещать его и обедать у него.

Благодаря любезному отношению к нам полицмейстера, мы познакомились и с другими дворянами, и потом ни одни именины, ни одно семейное празднество не обходилось без нашего присутствия. Простой народ держался с нами также вежливо; редко кто проходил мимо не кланяясь.

Дворяне приютили у себя некоторых из нас под предлогом обучения детей тем или иным предметам; врачи лечили и т. д. Таким образом, несмотря на свой жалкий вид, мы получили доступ в семейный круг дворян.

Жизнь была очень дешевая, так что десяти пятаков, т.е. 15 крейцеров, нам вполне хватало на день. Если мы не получали никуда приглашения обедать, мы готовили себе обед сами. Постепенно мы снова обзавелись бельем и также понемногу избавились от паразитов.

И здесь нас часто спрашивали, не хотим ли мы остаться в России; нам будут отведены земли в немецких колониях в Саратовской губернии и т. д. Однако такая блестящая перспектива не соблазнила никого из нас, и все стремились домой на родину.

О политике мы не знали почти ничего, потому что не могли читать русских газет, а то, что слышали, было совершенно извращено или ложно, благодаря слабым географическим познаниям рассказчиков.

16 августа 1813 г. открылась здешняя восьмидневная ярмарка. В городе на площади были устроены палатки. Товары были очень дешевы и хороши. Мы, пленные, все осматривали и провели это время очень весело. Главным образом, нас привлекала конская ярмарка; лошадей было очень много и среди них замечательно хорошие; были целые табуны степных коней, свободно стоявших в изгородях. Когда являлся покупатель и облюбовывал одну из лошадей, продавец садился на объезженную лошадь и выезжал за ограду. Табун сбивался в кучу, головами в середину и бил задними ногами, когда к нему кто-нибудь приближался; но у продавца на длинном шесте была прикреплена петля, он ее набрасывал на голову лошади, которую хотел поймать, и спокойно выводил ее к покупателю.

Тут были жеребцы, казалось, проявлявшие своим гордым видом, что сознают свою красоту, и всех их продавали за ничтожную цену: 50, 80, 100 рублей ассигнациями.

Покупателей было очень много, собрались все окрестные помещики, и город в это время кипел оживлением; так как ярмарка здесь бывала только раз в год, то помещики закупали все нужное на целый год, поэтому денежный оборот был очень большой.

Наши врачи пользовались большим успехом, потому что во время нашего пребывания здесь между помещиками было много больных, а в городе не оказалось ни докторов ни аптек. Их вообще не встретишь нигде, кроме губернских городов, поэтому жители были очень рады, что среди пленных оказались доктора. Одному из наших врачей обещали очень многое, если он останется в России еще на несколько лет, но он все-таки предпочел вернуться на родину.

Русские очень способны, особенно легко они усваивают иностранные языки, и большинство дворян говорят хорошо по-французски; я знал девушек лет двенадцати-пятнадцати, кроме родного языка говоривших и довольно порядочно писавших по-польски, по-французски, по-немецки и немного по-итальянски. Так же способно простонародье, оно скоро научилось от нас многим словам, и нас часто просили сказать, как называется та или другая вещь по-немецки.

6 ноября 1813 г. многие офицеры получили через полицию деньги, не зная, кем они присланы; вероятно, ее величеством императрицей — матерью. На долю каждого досталось по 25 руб. ассигнациями, или 12 флор. 30 крейцеров; все, кому предназначалось пособие, были переименованы; меня, как всегда, постигло несчастье, и я не получил ничего; может быть, тому причиной была неправильность передачи конвойных офицеров, отмечавших меня то баварцем, то вюртембергцем и, наконец, офицером четвертого баденского гусарского полка.

16 ноября 1813 г. баварским офицерам была возвращена свобода; мы устроили прощальную пирушку, и они уехали 17 ноября, сопровождаемые нашими пожеланиями всякого благополучия.

Теперь мы утешали себя надеждой, что скоро наступит и наш черед, и эта надежда оживляла нас и приятно волновала кровь. Наконец 16 декабря 1813 г. получилась радостная весть. Мы радовались и веселились, а помещики, полюбившие нас, жалели, что приходится с нами расстаться, желали нам счастливого пути и многих ссудили деньгами на покупку шуб. Приобретя шубы, мы провели в радушном обществе еще несколько веселых дней.

24 декабря около полудня мы покинули свое местопребывание и 25 декабря 1813 г. приехали в Пензу. Стоял сильный мороз, и нам предстоял еще тяжелый путь, но радость чувствовать себя свободными помогала безропотно переносить все неприятности.

Император Наполеон роздал каждому из русских офицеров, находившихся пленниками во Франции, по 100 франков, в виде рождественского подарка. Император Александр пожелал сделать то же самое и приказал выдать всем пленным по 100 руб. ассигнациями, что составляло приблизительно одно и то же. Губернаторам было приказано выплатить всем пленным назначенную сумму. Поэтому мы обратились к пензенскому губернатору, князю Голицыну, через посредство немца-портного, пользовавшегося благосклонностью губернатора; однако выдачу нам денег откладывали со дня на день. Наконец, вследствие наших настояний, каждому из нас выплатили по 50 руб. ассигнациями, под тем предлогом, что мы отправляемся домой и деньги нам теперь не нужны, остальные 50 руб. были удержаны и попали в карман губернатора, как оказалось

впоследствии, потому что мы расписались в получении ста рублей, как объяснил нам после иллирийский офицер, знавший русский язык.

Пребывание в Пензе представляло для всех нас много неприятностей, и мы стремились прочь; наконец 8 января 1814 г. мы выехали из Пензы и так как во время нашего пребывания там были освобождены все немецкие офицеры, то в транспорте оказалось пятьдесят человек офицеров. Каждому штаб-офицеру полагалась одна лошадь, а обер-офицеру — пара; конечно, такое количество лошадей было очень трудно достать на каждой станции.

На обратном пути мы снова проезжали через многие уже знакомые деревни; переночевали в Константиновке.

10 января 1814 г. мы прибыли в Мучелески, татарскую деревню, и отыскивали там своих прежних хозяев; они сейчас же нас узнали и очень обрадовались, главным образом, тому, что мы возвращаемся на родину. Вечером мы приготовили чай с ромом и изрядно угостили своего хозяина.

11 января ночевали в Шенеце, 12-го — в Веретчине, где отдыхали целый день. 14-го прибыли в Гавриловку, где утонул Фогель; мы узнали, что после нашего отъезда тело его было предано земле полицией.

15 января мы были в Талинке, 16-го — в Тамбове, где нам пришлось опять остановиться на двенадцать дней. Тем временем прибыл из Саратовской губернии большой транспорт офицеров, присоединившийся к нашему, так что теперь число офицеров нашего транспорта достигало до 84 человек. Если ранее было трудно доставать нужное количество лошадей, то теперь сделалось еще гораздо труднее. Это очень мешало нашему путешествию, за что нас вознаграждал юмор этих офицеров.

Соединившись с 28 офицерами, прибывшими из Саратовской губернии, мы покинули город Тамбов 28 января 1814 г. и переночевали в деревне Лысогоры.

30 января мы были в Дмитровске, 31-го в городке Козлове, 1 февраля в Дарибеве, 2 февраля в Борисовке, 3 февраля в городке Липецке. Погода стояла теплая, снег таял и мы ехали все время по воде.

5 февраля мы прибыли в село Патриаршее. Здесь у нас вышла ссора с крестьянами, они ударили в набат, сбежался весь народ, и нам пришлось занять оборонительное положение. Мы нисколько не испугались, так как были все вооружены саблями, а многие пистолетами. Конвойный офицер сейчас же поехал в уездный город Донск, откуда была прислана полиция, и крестьяне были наказаны.

После задержки нескольких дней мы прибыли 11 февраля в городок Елец, 12-го в деревню Козаки, а оттуда в деревню Черняево, где остановились на ночлег. 13 февраля были в городке Ливнах, где провели и 14-е, потому что не могли достать лошадей.

15 февраля прибыли в Дроску, 16-го в Либович, 17-го в Неруч, где снова задержались благодаря отсутствию лошадей. 19 февраля, когда мы приехали в Дмитровск, мне очень хотелось есть, я купил поэтому у мужика кусок хлеба. Это увидел слуга из усадьбы и был так тронут, что заставил меня зайти к нему в дом и сытно накормил меня. Потом привел к себе еще несколько человек офицеров, и мы провели у него очень приятно несколько часов. 20 февраля 1814 г. мы прибыли в Орел, большой губернский город. Здесь нас поместили очень плохо. В комнате, нам отведенной, совсем не держалось тепло и все время капала вода, так что зонтик оказался бы очень полезным.

Здесь мы встретились со многими из вильненских товарищей, прибывшими за неделю до нас и уехавшими на следующий день после нашего приезда.

26 февраля 1814 г. я отпраздновал за чаем в обществе нескольких товарищей 27-ю годовщину своего рождения. Наконец на следующий день мы выехали в деревню Богдановку. Почти всю дорогу ехали по замерзшей речке. 4 марта мы прибыли в Катково, небольшую деревню, где нельзя было ровно ничего достать, чтобы поесть. Нам пришлось здесь провести несколько дней из-за ужасной метели.

7 марта прибыли в деревню Городище, и должны были переждать здесь целый день из-за отсутствия лошадей.

9 марта мы ночевали в селе Азотском, 10-го в Новом, здесь переправились через Десну.

11 марта мы прибыли в город Трубчевск. Полицмейстер был очень веселый человек, пригласивший к себе в дом всех офицеров и устроивший обильное угощение. Нам отвели хорошие квартиры. Вечером я, Бюлов и Клейн получили приглашение к зятю полицмейстера, где нас угощали чаем, пуншем и т. д., и я много играл на флейте. — 12 марта мы прибыли в Погар, маленькое местечко, где нам отвели недурную квартиру. Мы приняли к себе капитана Трольша из другого транспорта; вечером мы пошли к еврею, торговавшему пивом и водкой, где наш друг угостился через меру. В Погаре мы прожили несколько дней и провели время недурно.

15 марта 1814 г. прибыли в Стародуб, небольшой городок, где поместились довольно удобно.

Наше путешествие подвигалось очень медленно, потому что транспорт был слишком велик, лошадей приходилось доставать с большим трудом, к тому же конвойные офицеры обыкновенно обманывали крестьян в плате, и между ними постоянно выходили ссоры. Мы пожаловались на офицера властям, но это ни к чему не привело, и все осталось по старому, как всегда делается в России. Снег таял все сильнее; мы продали за ничтожную цену свои большие сани и, прожив в Стародубе четыре дня, выехали 19 марта в село Нижнее. 20 марта нам достались плохие лошади, поэтому мы отстали от своего транспорта или, вернее, мы остановились в деревне Солишково, где застали русского полковника, ремонтера. Полковник радушно приветствовал нас, и мы очень приятно провели время до поздней ночи за чаем, ликером и т. д. Впрочем, поручику Бюлову сделалось дурно от крепких напитков, к тому же в жарко-натопленной избе; мы вывели его на воздух, где он скоро пришел в себя.

21 марта мы прибыли в город Зыбков, где нагнали транспорт и поехали дальше в Новое Место; здесь мы снова посетили усадьбу, где доктор Клейн прописал рецепт чахоточному помещику; тот успел уже за это время умереть, но нас все-таки приняли очень приветливо. — 22-го мы ночевали в селе Носвоецком, где провели следующий день. — 24-го мы добрались с большим трудом на плохих лошадях до деревни Гримыка. — 25-го мы миновали городок Ветку и переночевали в селе Дуровиче.

26 марта ночью скрылись наши крестьяне с лошадьми; поэтому мы нагрузили свои вещи на оставшиеся сани и отправились пешком до села Лошева, откуда один помещик доставил нас на своих лошадях 27-го в деревню Будово. Отсюда другой помещик довез нас до Старой Рудни, где мы снова нагнали

транспорт. — 28 марта 1814 г. мы переправились через Днепр с опасностью для жизни, так как был ледоход, и прибыли в какой-то еврейский городок. Здесь нам снова пришлось четыре дня ожидать лошадей. Наконец 2 апреля мы снова тронулись в путь и прибыли в польское местечко Старое-Поболово. 3 апреля нам удалось достать только одну лошадь; мы нагрузили на нее свои вещи, а сами пошли пешком. Ночлег предполагался в селе Михалеве, но так как весь транспорт был уже далеко впереди, мы решили дойти до Бобруйска. Весь город был переполнен русскими войсками, так что мы поместились в количестве двадцати человек на одной квартире. Убедившись, что здесь невозможно достать лошадей, доктор Клейн купил лошадь, чтобы нагрузить на нее наши вещи, и 6 апреля мы снова продолжали путь пешком и пришли в Постоянку, где переночевали в убогой корчме среди леса. 7 апреля после обеда мы прибыли в местечко Вильшу и пошли дальше в городок Глуск. 8 апреля нам снова пришлось переночевать в скверной корчме в Вятчинке. 7 апреля мы пришли в плохонькое местечко Урочье, 10 апреля в местечко Слуцк. Здесь мы приютились у помещика, не хотевшего нас пускать, но мы настояли на своем. 11 апреля мы миновали городок Романов, пошли дальше и остановились на ночлег в корчме при дороге. В Бобруйске мы отстали от транспорта и нагнали его только в Белостоке.

12 апреля мы прибыли в Тимковичи, маленькое местечко; дальше лошадь отказалась идти, поэтому мы продали свои вещи за бесценок евреям и продолжали 13 апреля свой путь до городка Резвича, куда добрались в полном изнеможении. Поэтому мы сделали складчину и подговорили еврея доставить нас за 22 рубля серебром на тройке в Белосток. У меня больше не было денег, один из друзей внес временно мою часть, пока мы не встретим комиссара.

14 апреля рано утром мы уселись в повозку и быстро доехали до городка Снова, миновали его и остановились на ночлег в ближайшей корчме. 15 апреля проехали местечки Столовичи и Полонку вплоть до города Слонима, где переночевали и отдыхали следующий день, потому что еврей не соглашался ехать в шабаш.

17 апреля 1814 г. мы снова миновали два городка Озерницу и Зельву и остановились в Волковийске.

18 апреля мы миновали местечки Шедловицу и Берестовицу и переночевали в корчме при дороге.

19 апреля мы прибыли в Белосток, прекрасный город, вновь отстроенный Вильгельмом, королем прусским. Красивый замок с парком украшает город и окрестность; улицы мощеные, имеется красивая церковь и т. д. Жители говорят по-немецки, потому что все ремесленники — немцы. У нас сразу сделалось отрадно на душе, почувствовав себя среди Польши в немецком городе.

Здесь был сборный пункт возвращавшихся из плена офицеров и солдат: ежедневно уходили и прибывали новые транспорты. Здесь мы были переданы вюртембергскому комиссару Рейфу, снабдившему нас деньгами.

Я имел несчастье заболеть и пролежать весь прекрасный май в постели; тем временем все мои товарищи уже двинулись дальше, и майор фон Вундт назначил меня начальником последнего отряда.

9 июня 1814 г. мы выступили из Белостока. В моем транспорте находился больной капитан Ферд, фон Клейн, доктор Клейн, штаб-фурьер Штиф, фельдфебель Кнорн, 3 капрала и 70 человек солдат. Первый переход был через

городок Книшин до Крипно. 10-го мы были в городке Тикочине и перешли через реку Нарев; на мосту мы остановились и вознесли благодарность Богу, что эта роковая страна осталась у нас позади.

